

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система» г. Оленегорска
Центральная городская библиотека

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР»:

МУКИ ОСОЗНАНИЯ (1937-1938 гг.)

Оленегорск
2007

Составитель: Герасимова М.В., библиограф ЦГБ
Ответственный за выпуск: Малашенко Н.А., директор ЦБС

«Большой террор»: муки осознания (1937-1938 гг.): историко-библиографическое пособие/ Сост. М.В. Герасимова. – Оленегорск: ЦГБ, 2007. – 50 с.

От составителя.

Предлагаем вашему вниманию историко-библиографическое пособие, посвященное трагическим событиям 1937-1938 годов.

Период с августа 1937 г. до октября 1938 г. во всех исторических исследованиях характеризуется как время массовых репрессий, как время «большого террора».

Репрессии, конечно, были и раньше. Но 1937 год породил в Советском Союзе самую кровавую волну политического террора. Дата приобрела нарицательный смысл. По степени жестокости и масштабам карательные операции 1937-1938 гг. входят в число самых чудовищных преступлений государства против собственного народа, известных мировой истории.

Мы не должны забывать об этом страшном времени, передавая свои знания потомкам, «...чтобы горе наше не ушло вместе с нами бесследно, но сохранилось бы для русской памяти, остерегая на будущее...» - как писал Александр Солженицын.

В этом пособии сделана попытка систематизировать всю информацию по данной теме, разбив ее на следующие разделы:

1. Советский Союз в 1937-1938 гг.
2. Система ГУЛАГа
3. Дети в сталинских лагерях
4. Бутовский расстрельный полигон
5. Трагические судьбы репрессированных (Персоналии)
6. Репрессии священнослужителей
7. «Большой террор» в Мурманской области
8. Спецпереселенцы на Мурмане
9. Исправительно-трудовые лагеря в Оленегорском районе
10. Лагерная проза
11. Страницы лагерной поэзии
12. «Большой террор» в Интернете
13. Приложение 1 (Фотографии)
14. Приложение 2 (Сценарий проведения поэтического классного часа)

При создании пособия использованы материалы фондов Оленегорской ЦБС, Интернет-ресурсы, а также исследовательская работа учащегося объединения «Краеведение» ЦДЮТиЭ г. Оленегорска Лавренева Семена «История создания исправительно-трудовых лагерей в Оленегорском районе». Отбор литературы закончен 1.12.2007 г. Каждый раздел снабжен списком дополнительной литературы. Пособие предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей России.

Советский Союз в 1937-1938 гг.

В массовом сознании сложился стереотип о 1937 годе как апогее сталинского террора. Дата приобрела нарицательный смысл. По степени жестокости и масштабам карательные операции 1937—1938 гг. входят в число самых чудовищных преступлений государства против собственного народа, известных мировой истории.

Период с 1937 г. до конца 1938 г. во всех исторических исследованиях характеризуется как время массовых репрессий, как «большой террор». В это время репрессии обрушились на многих членов партии, которые когда-либо примыкали к оппозициям или сочувствовали им. Сталин не доверял этим людям и решил избавиться от них. Проводил эту чистку новый нарком внутренних дел Н.И. Ежов, сменивший на этом посту Г.Г. Ягоду в сентябре 1936 г.

Нарастание массовых репрессий. Важной вехой в нагнетании репрессий стал февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. Он показал, что истерия, связанная с репрессиями, охватила и верхушку партии. Одним из центральных пунктов пленума было обсуждение дела Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова, обвиненных в контрреволюционной, террористической деятельности, фактически пленум санкционировал их арест. В выступлениях Сталина и других членов ЦК говорилось о необходимости продолжать борьбу с не разоблаченными еще врагами.

11 июня 1937 г. были приговорены к расстрелу известные советские военачальники М.Н. Тухачевский, А.И. Корк, И.П. Уборевич, И.Э. Якир и другие — по обвинению в подготовке заговора. Проведенные затем массовые аресты и увольнения в Красной Армии лишили ее значительной части офицерского корпуса.

С определенного момента репрессивные акции приобрели массовый характер и обрушились не только на представителей правящей группы, но и на широкие слои рядового населения. 2 июля 1937 г. Политбюро санкционировало отправку на места следующей телеграммы: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом, по истечении срока высылки, вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений... ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через «тройки», а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД...»

На основании этих указаний в НКВД был подготовлен оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Согласно приказу, все репрессируемые разбивались на две категории: первая — подлежащие немедленному аресту и расстрелу, вторая — подлежащие заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет. Всем областям, краям и республикам доводились лимиты по каждой из двух категорий.

Для решения судьбы арестованных в республиках, краях и областях создавались «тройки». Как правило, в их число входили нарком или начальник управления НКВД, секретарь соответствующей партийной организации и прокурор республики, области или края. «Тройки» получили чрезвычайные права: бесконтрольно выносили приговоры, включая приговоры к расстрелу. 31 июля этот приказ НКВД был утвержден Политбюро.

Там, где кампания протекала вяло, инициатива переходила к аппарату НКВД. Из Центра направлялись специальные уполномоченные вместе с сотрудниками НКВД. Л.П. Берия орудовал в Грузии, Л.М. Каганович — последовательно в Иваново и Смоленске, Г.М. Маленков — в

Белоруссии и Армении, В.М. Молотов и Н.С. Хрущев — на Украине. Каждая из этих «экспедиций» оставила по себе недобрую память.

Однако помимо этой операции с августа 1937 г. до ноября 1938 г. осуществлялись другие государственно-террористические акции. Начались массовые репрессии по национальному признаку. Несколько массовых репрессивных операций было проведено против так называемых контрреволюционных национальных контингентов — немцев, поляков, латышей, эстонцев, финнов, греков, иранцев, китайцев, румын, болгар, македонцев, которых также обвинили в шпионаже и создании подпольных организаций. Из всех национальных меньшинств, входящих в большую семью советских народов, поляки и советские граждане польской национальности заплатили тяжелую дань «великому террору». В 1937 – 1938 гг. было репрессировано около одной пятой от общего числа советских граждан польского происхождения, которые по данным переписи 1937 года составляли 656 человек. Частью «большого террора» стали многочисленные процессы над «вредителями» и «шпионами» в Москве и на местах. Осуществлялись массовые депортации «неблагонадежного элемента» из пограничных районов. Самой крупной была высылка корейского населения Дальневосточного края в Казахстан и Узбекистан. Все эти акции планировались в Москве, утверждались в Политбюро и осуществлялись на основе специальных тщательно разработанных приказов НКВД. Сохранились также многочисленные прямые документальные свидетельства того, что Сталин был не только главным вдохновителем террора, но постоянно непосредственно руководил этими акциями.

Откат массовых репрессий. В марте 1938 г. состоялся последний «открытый процесс», известный как «процесс Рыкова — Бухарина», по которому проходил 21 человек. Обвиняемым приписывались убийства С.М. Кирова, М. Горького, В.В. Куйбышева, заговор против Сталина, саботаж в промышленности, вредительство в сельском хозяйстве, шпионаж в пользу Германии, Японии, Англии, Польши, пособничество националистам и другие нелепые обвинения. Тем не менее, практически все обвиняемые признали свои «преступления» и были приговорены к расстрелу.

Процесс, однако, не послужил сигналом для дальнейшего развертывания репрессий. Напротив, их вал постепенно пошел на убыль. Как свидетельствует статистика, количество заключенных в ГУЛАГе в 1938 г. уменьшилось примерно на 200 тыс. Известны случаи освобождения из-под следствия, из тюрем и лагерей. Снизилось число исключенных из партии и, наоборот, увеличился новый прием.

Причиной этого явилось постановление, принятое в ноябре 1938 г. Пленумом ЦК ВКП(б), осуждавшее ошибки парторганизаций при исключении коммунистов из партии и формально-бюрократическое отношение к апелляциям исключенных. Осуждались кляузники, карьеристы, создававшие в партии атмосферу недоверия и подозрительности. Упоминались работники НКВД, прокуратуры и судебных органов, которые пошли на их поводу, допустив «ошибки» в осуждении честных коммунистов. В постановлении говорилось также, что в органы НКВД «проникли враги народа», желающие вывести их из-под контроля партии. За этим политическим маневром, безусловно, скрывалось желание Сталина переложить всю ответственность за массовый террор на чекистов и персонально на Ежова. Поразительно, что Ежов это понимал. И его близкие тоже. По тайной договоренности с обезумевшей от ожидания женой, нарком сделал ей контрольный звонок — без слов, отправляясь на заседание Политбюро, где ему надлежало выслушать партийный приговор. Телефонная линия, конечно, прослушивалась. Жена все поняла и приняла смертельную дозу люминала. 24 ноября 1938 года Ежов был отстранен от руководства НКВД, затем арестован, а несколько месяцев спустя расстрелян в условиях строжайшей секретности. На его место был назначен другой сталинский ставленник — Л.П. Берия.

Слева направо: Г.Г. Ягода (1891—1938) возглавлял НКВД в 1934—1936 годах, Н.И. Ежов (1895—1940) возглавлял НКВД в 1936—1938 годах, Л.П. Берия (1899—1953) возглавлял НКВД в 1938—1945 годах

Массовые репрессии 1937—1938 гг. были завершающим этапом сталинской «революции сверху». Благодаря им окончательно закрепились политическая система, которую называют режимом личной власти Сталина. В ходе репрессий была уничтожена большая группа высших руководителей страны. Оставшиеся в живых, включая даже самых близких соратников Сталина, потеряли своих сотрудников, родственников, сами находились под постоянной угрозой репрессий и утратили остатки бывшего политического влияния. Принятие принципиальных политических решений окончательно перешло в руки Сталина.

В истории Советской страны период «большого террора» занимает особое место. Репрессии, конечно, были и раньше. Количество арестованных и осужденных постоянно увеличивалось, пополняя население ГУЛАГа. Но то, что случилось в 1937 г., не идет ни в какое сравнение с предшествующими годами, причем в развязывании новой волны репрессий сразу бросаются в глаза несколько очевидных особенностей. Прежде всего, размах репрессий. Если в 1936 г. были арестованы 131 тыс. человек, то в 1937 г. — 937 тыс., т.е. в 7 раз больше, из них 779 тыс. (83%) по 58-й статье Уголовного кодекса — за контрреволюционные преступления. В следующем, 1938 г. были арестованы 639 тыс. человек, из них 593 тыс. (90%) — по той же «политической» статье. Это было намного больше, чем в предшествующие годы, и означало, что кампания имела совершенно четкую политическую направленность. Судами к различным видам наказания были приговорены 791 тыс. человек в 1937 г. и 554 тыс. — в 1938 г. Тюремные страны были переполнены: на конец февраля 1938 г. в них содержалось 549 тыс. заключенных при «лимите» в 155 тыс. мест.росло число приговоренных к высшей мере наказания. Согласно официальной справке КГБ, составленной в 1990 г., из 786 тыс. приговоренных к расстрелу за «контрреволюционные и государственные преступления» в период с 1921 по 1953 г. 682 тыс. (87%) приходится на 1937-1938 гг. Помимо того, в 1937 г. существенно пополнился ГУЛАГ - примерно на 0,6 млн. заключенных, а процент «политических» среди них «скакнул» с 12-18 до 33-34%.

Использованная литература:

1. СССР в 1930-е гг. // Отечественная история: учебник / Под общ. ред. Р.Г. Пихои. — М.: Издательство РАГС, 2005. — С. 471-538.
2. Массовые репрессии и утверждение режима личной власти // Политическая история России: учебное пособие / Отв. ред. проф. В.В. Журавлев. — М.: Юристъ, 1998. — С. 530-536.

Некоторые цифры «большого террора»:

По приказу Ежова от 15 августа 1937 года у репрессированных родителей за год изъяли 17 355 детей. «Намечались к изъятию» еще 5 000.

В 1937 году было вынесено 353 074 смертных приговора, в 1938 — 328 618. То есть в 1937-1938 годах выносили тысячу приговоров в день.

В 1937-1938 годы были репрессированы три маршала армии из пяти, 13 командармов из 15, 154 комдива из 186, 25 корпусных комиссаров из 28 и все 16 армейских комиссаров.

(Орешкин Д. 1937-й: муки осознания / Д. Орешкин // Вокруг света. — 2007. — N 7. — С. 98-109.)

Список дополнительной литературы:

1. Отечественная история: учебник / Под общ. ред. Р.Г. Пихои. — М.: Издательство РАГС,

2005. – 712 с.

2. Жуковский В. С. Лубянская империя НКВД. 1937-1939. / В.С. Жуковский. – М.: «Вече», 2001. – 352 с.
3. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. – М.: Издательство «Три века истории», 2001. – 780 с.
4. Политическая история России: учебное пособие / Отв. ред. проф. В.В. Журавлев. – М.: Юристъ, 1998. – 696 с.
5. Механизм «Большого террора» // Хлевнюк А.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М.: Республика, 1992. – С. 154-172.
6. Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов / Под общей редакцией А. Н. Яковлева. – М.: Политиздат, 1991. – 461 с.
7. 1937 год и современность: тезисы «Мемориала» // Новая Польша. – 2007. – N 9. – С. 57-62. [К 70-летию «Большого террора»]
8. Багдасарян В. Загадочный «тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования / В. Багдасарян // Наш современник. – 2007. – N 8. – С. 149-165.
9. Яковлева Е. Лимиты на расстрел: в августе исполняется 70 лет начала «Большого террора» [Беседа с историком Александром Даниэлем об уроках «Большого террора»] / Е. Яковлева // Российская газета. – 2007. – 15 августа. – С. 7.
10. Орешкин Д. 1937-й: муки осознания / Д. Орешкин // Вокруг света. – 2007. – N 7. – С. 98-109.
11. Тростников В. Тайный смысл репрессий / В. Тростников // Аргументы и факты. – 2007. – N 28. – С. 15.
12. Черная планета : из материалов семитомника «История сталинского ГУЛАга» // История. – 2006. – N 3. – С. 6-22.
13. Иванова Г. М. Гулаг языком документов / Г.М. Иванова // Новая и новейшая история. – 2001. – N 4. – С. 149-154.
14. Плимак Е.Г., Антонов Е.С. Тайна «Заговора Тухачевского» / Е.Г. Плимак, Е.С. Антонов // Отечественная история. – 1998. – N 4. – С. 123-137. [О так называемом «деле военных», якобы открытом НКВД в 1937 году. Версия об участии германских агентов в деле уничтожения верхушки Красной Армии]

Система ГУЛАГа.

Тридцатые годы, годы беспрецедентных репрессий, отмечены рождением чудовищно разросшейся системы лагерей, созданной не только с карательной целью, но и, как ни жутко это звучит, явившейся важным фактором развития экономики.

Значительную часть сферы принудительного труда составляли ссыльные или спецпереселенцы (с 1934 г. — трудпоселенцы), более половины которых было сосредоточено на Урале и в Западной Сибири. На конец 1937 г. общая численность трудпоселенцев составила 878 тыс.

По мере продвижения в наиболее удаленные, суровые и малонаселенные районы освоения — безводные степи и арктический пояс — усиливалась роль такой формы принудительного труда, как исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), отличавшиеся особенно жестоким режимом. К 1937 г. в них содержалось, по данным НКВД, 821 тыс. заключенных. Их работой руководил ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей. К концу 30-х годов Система ГУЛАГа включала более 50 лагерей, свыше 420 исправительных колоний, 50 колоний для несовершеннолетних. В ведении ГУЛАГа находились: Карагандинский ИТЛ (Карлаг), Дальстрой НКВД/МВД СССР, Соловецкий ИТЛ (УСЛОН), Беломорско-Балтийский ИТЛ и комбинат НКВД, Воркутинский ИТЛ, Норильский ИТЛ и другие.

Но в самом начале истории ГУЛАГа был только один лагерь — СЛОН. Соловецкий лагерь особого назначения, через него прошли многие старые революционеры, члены различных социалистических партий. В основном все они сталкивались с арестом и ссылкой не впервые, но СЛОН поражал их жуткими условиями содержания, невиданными в царские времена. Однако вскоре выяснилось, что условия на Соловках в самом начале их существования были приемлемее и лучше, чем на тех же Соловках и во всех остальных лагерях после того, как система ГУЛАГа была отлажена.

Вскоре определился и так называемый, «полюс лютости» ГУЛАГа — Колыма — здесь были самые страшные лагеря смерти. Название тихой сибирской речки дало имя символу ГУЛАГа. Здесь находился печально знаменитый Бутугычаг, о котором рассказал в своей книге «Черные камни» Анатолий Жигулин. Эти лагеря становились главным средством освоения новых труднодоступных районов и использования дешевой рабочей силы в экстремальных условиях.

После выхода в 1973 году «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, впервые обнажившего систему массовых репрессий и произвола в СССР перед массовым читателем, аббревиатура «ГУЛАГ» стала не только синонимом лагерей и тюрем НКВД, но и тоталитарного режима в целом. Карательная работа ГУЛАГа не была одинаково интенсивной: пик активности этого аппарата по переработке людей в лагерную пыль пришелся на вторую половину 30-х годов. Вот статистика только смертных приговоров в эти годы:

1937 год - 353.074

1938 год - 328.618

1939 год - 2.552

1940 год - 1.649

то есть в 1937—1938 годах было вынесено 681 692 смертных приговора (около 1000 приговоров в день!), а вот в 1950—1957 годы — «всего» 3 894 смертных приговора (около 1000 в год).

В дополнение к лагерям была придана система более мелких и многочисленных исправительно-трудовых колоний (ИТК), раскинутых по всей стране. В них к 1937 г., по данным НКВД, находилось 375 тыс. заключенных.

Привлечение принудительного труда позволило решить многие задачи индустриализации. Трудом заключенных прокладывались каналы, железные дороги, возводились промышленные объекты. Значительное число заключенных было занято на добыче золота, цветных металлов. Трудом спецпереселенцев, объединенных в колхозы и совхозы, раскорчевывались и осваивались новые земли, много их было занято в угольной, лесной промышленности.

Годы	В исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ)	Из них осужденных за контрреволюционные преступления	В исправительно-трудовых колониях (ИТК)	Всего
1937	820881	104826	375488	1196369
1938	996367	185324	885203	1881570

**Численность заключенных ГУЛАГа
(по состоянию на 1 января каждого года)**

Использованная литература:

- 1 СССР в 1930-е гг. // Отечественная история: учебник / Под общ. ред. Р.Г. Пихои. – М.: Издательство РАГС, 2005. – С. 471-538.
- 2 Орешкин Д. 1937-й: муки осознания / Д. Орешкин // Вокруг света. – 2007. – N 7. – С. 98-109.

Список дополнительной литературы по теме:

1. Социальные и политические истоки тоталитаризма // Кузнецов И. Н. Отечественная история: учебник. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2006. – С. 362-379.
2. Империя лагерей // Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. – М.: Издательство «Три века истории», 2001. – С. 204-214.
- 3 Архипелаг ГУЛАГ [В цифрах] // Мир русской истории. Энциклопедический справочник. – М.: Вече, 1998. – С. 520-524
- 4 Черная планета : из материалов семитомника «История сталинского Гулага» // История. – 2006. – N 3. – С. 6-22.
- 5 Смертоносная барщина: А. Солженицын о труде в ГУЛАГе // История. – 2006. – N 3. – 28-29.
- 6 Суслов А.Б. Спецконтингент и принудительный труд в советских пенитенциарных концепциях 1930-х годов / А.Б. Суслов // Отечественная история. – 2004. – N 5. – С. 81-96.
- 7 Нахапетов Б. К истории санитарной службы ГУЛАГа / Б. Нахапетов // Вопросы истории. – 2001. – N 6. – С. 126-136.
- 8 Воронов В. Творцы лагерной пыли: Родина должна знать своих палачей / В. Воронов // Новое время. – 2000. – N 17-18. – С. 54.
- 9 Наймушин Г. Репрессированное здравоохранение, или медики Норильлага / Г. Наймушин // Преподавание истории в школе. – 1998. – N 2. – С. 36-38.
- 10 Маркова Е. Ученые – узники Печорских лагерей ГУЛАГа / Е. Маркова // Новая и новейшая история. – 1998. – N 1. – С. 19-45.
- 11 Еланцева О. Периодическая печать БАМЛага / О. Еланцева // Отечественная история. – 1993. – N 4. – С. 167.
- 12 Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – N 6. – С. 10-27. Начало. Продолж. в N 7.
- 13 Цаплин Е.В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов / Е.В. Цаплин // Вопросы истории. – 1991. – N 4-5. – 157-163.

Дети в сталинских лагерях.

В 1930-е гг. беспризорных детей было около семи миллионов. Тогда проблема беспризорности была решена просто — помог ГУЛАГ.

Эти пять букв стали зловещим символом жизни на грани смерти, символом беззакония, каторжного труда и человеческого бесправия. Жителями страшного архипелага оказались дети.

Сколько их было в различных пенитенциарных и «воспитательных» учреждениях в 1920—1930-е гг., точно неизвестно. Сохранились, правда, статистические данные о некоторых смежных возрастных категориях заключенных. Например, подсчитано, что в 1927 г. 48% всех обитателей порем и лагерей составляли молодые люди (от 16 до 24 лет). В эту группу, как видим, включены и несовершеннолетние.

В Конвенции о правах ребенка, в преамбуле, говорится: «Ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста».

Конвенцию приняли позже. А в сталинском СССР в ходу были иные юридические формулировки. Дети, оказавшиеся под присмотром государства или отправленные этим государством искупать свои вины, по большей части вымышленные, делились на категории:

- 1) лагерные дети (дети, рожденные в заключении);

- 2) кулацкие дети (крестьянские дети, которым во время насильственной коллективизации деревни удалось ускользнуть от высылки, но которые были позже пойманы, осуждены и направлены в лагерь);
- 3) дети врагов народа (те, чьи родители были арестованы по 58-й статье); в 1936—1938 гг. дети старше 12 лет осуждались Особым совещанием по формулировке «член семьи изменника родины» и направлялись в лагерь, как правило, со сроками от 3 до 8 лет; в 1947—1949 гг. детей «врагов народа» наказывали строже: 10—25 лет;
- 4) испанские дети; они чаще всего оказывались в детских домах; в ходе чистки 1947—1949 гг. эти дети, уже подростки, были посланы в лагерь со сроками 10—15 лет — за «антисоветскую агитацию».

К этому списку, составленному Жаком Росси, можно добавить детей блокадного Ленинграда; детей спецпереселенцев; детей, живших рядом с лагерями и ежедневно наблюдавших лагерную жизнь. Все они так или иначе оказались причастными к ГУЛАГу...

Ефросиния Антоновна Керсновская, сидевшая в разных тюрьмах и лагерях, вспоминала детей, встретившихся на ее гулаговском пути.

«Мало ли что я невинна! Но дети? У нас в Европе они были бы «детьми», но здесь. . . Могли ли Валя Захарова восьми лет и Володя Турыгин, чуть постарше, работать кольцевиками в Суйге, то есть носить почту, проходя туда и обратно 50 км в день — зимой, в пургу? Дети в 11-12 лет работали на лесоповале. А Миша Скворцов, женившийся в 14 лет? Впрочем, эти-то не умерли...»

Ее путь в Норильск был долгим. В 1941 г. Ефросиния Керсновская оказалась на пароходе «Ворошилов». Вот отрывки из ее воспоминаний:

«Тут женщины и дети. Три совершенно древних старухи, восемь женщин в расцвете сил и около тридцати детей, если эти лежащие рядками обтянутые желтой кожей скелеты можно считать детьми. За время пути уже умерло 8 детей. На нижних полках рядками лежали маленькие старички с ввалившимися глазами, заостренными носиками и запекшимися губами. Я смотрела на ряды умирающих детей, на лужи коричневой жижи, плещущейся на полу. Дизентерия. Дети умрут, не доехав до низовьев Оби, остальные умрут там. Там же, где Томь впадает в Обь на правом берегу, мы их похоронили. Мы, — потому что я вызвалась рыть могилу.

Странные это были похороны... Я впервые видела, как хоронят без гроба, не на кладбище и даже не на берегу, а у самой кромки воды. Подняться выше конвоир не разрешил. Обе матери опустились на колени, опустили и положили рядышком сперва девочку, затем мальчика. Одним платком прикрыли лица, сверху — слой осоки. Матери стояли, прижимая к груди свертки с застывшими скелетиками детей, и застывшими от отчаяния глазами смотрели в эту яму, в которую сразу же стала набираться вода».

О труде несовершеннолетних заключенных в Норильлаге было известно с 1936 г. Это были в наших краях самые тяжелые, необустроенные, холодные и голодные годы.

Всё началось с приказа «по Норильскому строительству и ИТЛ НКВД» № 168 от 21 июля 1936 г. о прибывающей рабочей силе и ее использовании:

...6. При использовании на общих работах заключенных малолеток в возрасте от 14 до 16 лет устанавливается 4-часовой рабочий день с 50% нормированием — из расчета 8-часового рабочего дня для полноценного рабочего. В возрасте от 16 до 17 лет устанавливается 6-часовой рабочий день с применением 80% норм полноценного рабочего — из расчета 8-часового рабочего дня.

Дети находились не только непосредственно в Норильске. Был в нескольких десятках километров от поселка штрафной изолятор Калларгон (там же и расстреливали). Начальник лагеря мог определить туда заключенного на срок до 6 месяцев. Дольше на штрафном пайке, видимо не могли протянуть — «отправлялись под Шмитиху», то есть на кладбище.

В госпитале Е.А.Керсновская ухаживала за малолетним членовредителем из Калларгона. Попал

он туда за «страшное» преступление: «из ФЗУ самовольно вернулся домой — не выдержал голода».

Сначала лесоповал, затем второе преступление — подделка талона на обед и лишняя порция баланды. Результат — Калларгон. А это наверняка смерть. Мальчик искусственно вызвал глубокую флегмону правой ладони, введя в руку шприцем керосин. Это была возможность попасть в больницу. Однако как членовредителя его отправили с попутным конвоем обратно...

Был в лагере и ученик седьмого класса латвийской гимназии (ни имени, ни фамилии Керсновская не запомнила). Вина его заключалась в том, что он крикнул: «Да здравствует свободная Латвия!» В итоге — десять лет лагерей.

Ничего удивительного, что, очутившись в Норильске, он пришел в ужас и попытался бежать. Его поймали. Обычно беглецов убивали, а трупы выставляли напоказ в лаготделении. Но с этим мальчиком было несколько иначе: когда его доставили в Норильск, он был в ужасном состоянии. Если бы его сразу привели в больницу, его еще можно было бы спасти. Но его бросили в тюрьму, предварительно избив.

Когда он наконец попал в больницу, врачи оказались бессильны. Видимо, он получил хорошее воспитание, потому что за всё, будь то укол, грелка или просто поправленная подушка, он чуть слышно благодарил: — Мерси...

Вскоре он умер. На вскрытии выяснилось, что желудок у бедного мальчика был, словно из кружев: он сам себя переварил...

Кроме колоний, по всей России были детские дома. Туда устраивали всех детей, разлученных с родителями. Теоретически, отбыв срок, они имели право забрать своих сыновей и дочерей. На практике же матери часто не находили своих детей, а иногда не хотели или не могли взять их домой (дома обычно и не было, нередко не было и работы, зато существовала опасность скорого нового ареста).

Стали обитателями ГУЛАГа и дети спецпереселенцев. В 1941 г. Марии Карловне Батищевой было 4 года. В этом возрасте ребенок обычно себя не помнит. Но маленькая Маша запомнила трагическую ночь на всю жизнь.

Всех жителей сгоняли, как скот, в одно место: крики, рев животных — и гроза. Она время от времени освещала тот ужас, что творился в центре села.

В чем была их вина? Все они были немцами, а значит, автоматически становились «врагами народа». Затем долгая дорога в Казахстан. Как выжили в Казахстане, Мария Карловна не помнит, но жизнь в спецпоселении описывает книга «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои»:

Смертность среди детей была огромной. Общими сведениями мы не располагаем, однако множество частных примеров раскрывает эту страшную картину.

В Ново-Лялинском районе, например, за 1931г. родилось 87, а умерло 347 детей, в Гаринском за два месяца родилось 32, а умерло 73 ребенка. В Перми на комбинате «К» за два месяца (август-сентябрь) умерло почти 30% всех детей.

В связи с высокой смертностью возросла и беспризорность. Практически сведения о беспризорных детях в первые годы существования кулацкой ссылки в централизованном порядке не фиксировались.

В первые полтора года ссылки вопрос об образовании детей из числа переселенцев практически не решался и отодвигался на второй план.

На фоне этого происходило падение морали среди спецпереселенцев, отказ от многих традиций, поощрение доносов и т.д. Спецпереселенцы практически лишались гражданских прав.

Мария — внучка георгиевского кавалера — на целых 16 лет стала дочерью «врага народа». Вплоть до 20 лет ее изгоняли отовсюду — из школы, из училища, косо смотрели, называли фашисткой. В паспорте стояло клеймо: спецпереселенка.

Судьба Марии Карловны схожа с судьбой другой женщины — Анны Ивановны Щепиловой.

«Моего отца арестовывали дважды. В 1937 г. мне было уже шесть лет. После ареста отца начались наши хождения по мукам. В деревне нам не давали ни жить, ни учиться, считая

«детьми врагов народа».

Когда я стала подростком, меня посылали на самые тяжелые работы в лес — пилить дрова наравне с взрослыми мужчинами. Со мной даже сверстники не дружили. Я вынуждена была уехать, но и там меня нигде не брали на работу. Вся жизнь прошла в страхе и муках. Теперь нет ни сил, ни здоровья!»

Нет большей подлости, чем война власти с детишками с использованием всей мощи карательного аппарата. Опираясь на указания Политбюро ЦК, лично Ленина и Сталина, большевики создали особую систему “опального детства”. Эта система имела в своем распоряжении детские концлагеря и колонии, мобильные приемно-распределительные пункты, специальные детские дома и ясли.

Нет прощения тому, что запечатлено в оперативном приказе Ежова № 00486 от 15 августа 1937 года “Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины”:

...Подготовка операции. Она начинается с тщательной проверки каждой семьи, намеченной к репрессированию. Собираются дополнительные компрометирующие материалы. Затем на их основании составляются: а) общая справка на семью...; б) отдельная краткая справка на социально опасных и способных к антисоветским действиям детей старше 15-летнего возраста; в) именные списки детей до 15 лет отдельно дошкольного и школьного возраста.

Порядок приведения приговоров в исполнение. Осужденные социально опасные дети направляются в лагеря, исправительно-трудовые колонии НКВД или в дома особого режима Наркомпросов республик по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД для первой и второй групп и АХУ НКВД СССР — для третьей группы.

Размещение детей осужденных. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот размещать:

а) детей в возрасте от 1—1,5 лет до 3-х полных лет в детских домах и яслях Наркомздравов республик в пунктах жительства осужденных;

б) детей в возрасте от 3-х полных лет и до 15 лет — в детских домах Наркомпросов других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов. В отношении детей старше 15 лет вопрос решать индивидуально.

Грудные дети направляются вместе с их осужденными матерями в лагеря, откуда по достижении возраста 1—1,5 лет передаются в детские дома и ясли Наркомздравов республик.

В результате этого приказа по состоянию на 4 августа 1938 года у репрессированных родителей были изъяты 17 355 детей и намечались к изъятию еще 5000 детей. 21 марта 1939 года Берия сообщал Молотову о том, что в исправительно-трудовых лагерях у заключенных матерей находятся 4500 детей ясельного возраста, которых предлагал изъять у матерей и впредь придерживаться подобной практики. Детям начали присваивать новые имена и фамилии.

Одним из поводов к очередному ужесточению уголовного законодательства в отношении детей стало письмо Ворошилова от 19 марта 1935 года, направленное на имя Сталина, Молотова и Калинина. Девятилетний подросток напал с ножом на сына заместителя прокурора Москвы Кобленца. Ворошилов недоумевал: почему бы подобных «мерзавцев» не расстреливать?

Откликаясь на просьбу о расстреле “подобных мерзавцев”, ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 года издают постановление “О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних”. В нем сказано: “...несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания”. В связи с этим на местах возник вопрос о возможности применения к детям высшей меры наказания. Разъяснение Политбюро от 20 апреля 1935 года подтверждало, что к числу мер уголовного наказания относится также и высшая мера (расстрел).

Ярким примером фальсификации обвинений против несовершеннолетних является дело 16-летнего Юрия Каменева, расстрелянного по приговору Военной коллегии от 30 января 1938 года. Не имея никаких доказательств его виновности, Военная коллегия в своем приговоре указала:

«Каменев, находившийся под идейным влиянием своего отца — врага народа Каменева Л. Б., усвоил террористические установки антисоветской, троцкистской организации; будучи озлоблен репрессией, примененной к его отцу как к врагу народа, Каменев Юрий в 1937 году в г. Горьком

высказывал среди учащихся террористические намерения в отношении руководителей ВКП(б) и Советской власти.»

Горькую чашу спецпоселенца пришлось испытать калмыцкому поэту Давиду Кугультинову:

«Переступил порог, — вспоминает Кугультинов, — дети. Огромное количество детей до 6 лет. В маленьких телогреечках, в маленьких ватных брючках. И номера — на спине и на груди. Как у заключенных. Это номера их матерей. Они привыкли видеть возле себя только женщин, но слышали, что есть папы, мужчины. И вот подбежали ко мне, голоса: “Папа, папочка”. Это самое страшное — когда дети с номерами. А на бараках: “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»

Конечно, у кого-то в сталинском СССР детство и впрямь было счастливым — хотя вряд ли за это следовало благодарить вождя. На воле дети отправлялись в походы, пели песни у костра, отдыхали в пионерских лагерях, а не в иных. Для них сочиняли массу прекрасных песен, их любили родители, они носили красивые туфельки...

Но мы не должны забывать и о тех детях, которых партийные судьи приговаривали к трем, пяти, восьми и десяти, двадцати пяти годам лагерей, к расстрелу. Они рождались на полу грязных вагонов-телятников, умирали в трюмах переполненных барж, сходили с ума в детских домах. Они жили в условиях, которых не выдерживали устоявшиеся мужественные люди.

Воспитанники спецдетдома для детей политзаключенных.

С середины 1935 г. по начало 1940 г. через колонии для несовершеннолетних прошли 155 506 подростков в возрасте от 12 до 18 лет, из них 68 927 судившихся и 86 579 несудившихся. В марте 1940 г. в системе ГУЛАГа действовали 90 "домов младенца" (в них было 4 595 детей), матери которых являлись заключенными.

На стадионе "Динамо" в Москве во время физкультурного парада И.Сталин и В.Молотов принимают цветы от детей.

Архивное фото: gulag.ipvnews.org

Использованная литература:

1. Овчинникова Л. Дети в сталинских лагерях / Л. Овчинникова // История. – 2003. – N 11. – С. 1-6.
2. Земсков В. Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – N 6. – С. 10-27. Начало. Продолж. в N 7.
3. Статья «Детский ГУЛАГ» из сайта - www.gulag.ipvnews.org

Бутовский расстрельный полигон.

Результаты раскопок на Бутовском полигоне

Приговор приведен в исполнение.... К 1937 году тюрьмы перестали справляться с потоком казней, и «органы» выделили под эту задачу ряд специальных мест. В реестре «Некрополь ГУЛАГа», составленном обществом «Мемориал», — около 800 мест казней и массовых захоронений, разбросанных по стране. Это и полигоны типа подмосковных Бутова или «Коммунарки», и расстрельные рвы, и братские могилы, где тайно закапывали казненных, тысячи кладбищ при лагерях и спецпоселениях. Большинство давно разрушены и слились с землей, а иногда и вовсе были устроены на месте свалок, как Бутово. Занимающий два квадратных километра **Бутовский полигон**, недаром названный «Русской Голгофой», —

наиболее изученное и, благодаря патронажу церкви, символичное место из тысяч подобных — попал под юрисдикцию ОГПУ еще в 1920-х годах. «Когда началась борьба с врагами народа, — говорит настоятель Бутовского храма отец Кирилл Каледа, внук расстрелянного на полигоне священника, — это место назвали стрелковым полигоном. Только мишенями сделали людей». Много времени для обустройства не понадобилось: экскаваторами выкопали несколько пятиметровых рвов трехметровой глубины, территорию наспех огородили — просто обмотали деревья колючей проволокой (вросшая в кору, она видна до сих пор), и в ночь с 7 на 8 августа расстрельный конвейер в Бутове заработал. «Тройки», получившие право без суда и следствия выносить приговоры, не мудрствовали: «По обвинению в антисоветской агитации назначена высшая мера наказания — расстрел», «за антиколхозную агитацию назначается высшая мера наказания — расстрел».

ДАННЫЕ О ЧИСЛЕ РАССТРЕЛЯННЫХ НА ПОЛИГОНЕ БУТОВО		Акты о приведении приговоров в исполнение подписали
Август 1937	1296	Лебедев С.И., Семенов М.И., Корявин А.Т.
Сентябрь 1937	3165	Лебедев С.И., Семенов М.И., Корявин А.Т.
Октябрь 1937	2045	Семенов М.И., Ложкин С.В., Ильин И.Я.
Ноябрь 1937	1743	Семенов М.И., Ложкин С.В., Ильин И.Я.
Декабрь 1937	2376	Семенов М.И., Берг И.Д., Ильин И.Я.
Январь 1938	547	Семенов М.И., Берг И.Д., Ильин И.Я.
Февраль 1938	2326	Семенов М.И., Берг И.Д., Ильин И.Я.
Март 1938	2335	Семенов М.И., Берг И.Д., Ильин И.Я.
Апрель 1938	882	Семенов М.И., Берг И.Д., Ильин И.Я.
Май 1938	1346	Семенов М.И., Берг И.Д., Ильин И.Я.
Июнь 1938	1169	Семенов М.И., Овчинников П.И., Берг И.Д., Ильин И.Я.
Июль 1938	510	Овчинников П.И., Берг И.Д., Ильин И.Я.
Август 1938	780	Овчинников П.И., Берг И.Д., Ильин И.Я.
Сентябрь 1938	119	Овчинников П.И., Шигалев И.И.
Октябрь 1938	126	Овчинников П.И., Шигалев И.И.
ВСЕГО	20 765	

В Московском управлении КГБ хранятся одиннадцать томов с актами о приведении в исполнение смертных приговоров: с 7 августа 1937 года по 19 октября 1938 года в Бутове было расстреляно 20 765 человек. А ученые, проводившие раскопки на одном из массовых захоронений, оценив ту плотность, с которой лежали останки погибших, заявили, что на Бутовском полигоне может покоем лежать и 50 тысяч человек. «Иногда в сутки расстреливали до двухсот человек, — продолжает отец Кирилл. — А 28 февраля 1938 года здесь погибло 562 человека». В Бутовской земле лежит Федор Головин, председатель Второй Государственной думы, генерал-губернатор Москвы Владимир Джунковский, митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов), один из первых русских летчиков Николай Данилевский, художники Александр Древин, Роман Семашкевич, Владимир Тимирев, старики и совсем молодые люди, множество представителей духовенства. Комментируя бесстрастную статистику, отец Кирилл поясняет: «Около трехсот человек из расстрелянных на полигоне причислены Русской православной церковью к лику святых. Такого места больше нет на русской земле».

Жертвами печально известных «троек» среди многих стали расстрелянные на Бутовском полигоне один из первых русских летчиков, учитель прославленного Нестерова Н.Н. Данилевский [1] и Председатель 2-й Государственной думы Ф.А. Головин [2].

В бутовской земле лежат все: люди разных возрастов, разных национальностей и вероисповеданий, разных занятий – от блестящих ученых и богословов до кустарей и подмастерьев. Бывшие сотрудники НКВД здесь соседствуют с трижды раскулаченными и под конец расстрелянными крестьянами. Здесь лежат и латышские стрелки – опора Ленина в 1918 году, - поголовно истребленные в конце 30-х, и романтики-коммунисты, приехавшие «строить социализм» откуда-нибудь из Германии или Южной Африки. Здесь и все бывшие, так сказать, «привилегированные классы». Но здесь - и рабочие. Здесь – и художники.

Трудно поверить – одних художников 100 человек! Здесь люди совсем простые и всесторонне одаренные, подлинный цвет России.

Такие как Председатель 2-й Государственной думы Ф.А. Головин, митрополит Ленинградский Серафим, здесь – яркий церковный мыслитель епископ Арсений Ждановский, представители дворянских родов Тучковых, Гагариных, Шаховских... И еще несметное число людей совсем простых, попавших под колеса машине террора в силу самых разных жизненных обстоятельств. Скажем, семья Пресновых в полном составе (6 человек) угодила под расстрел за то, что их дом на живописном берегу Москвы-реки приглянулся немцу Эрнсту Шуле, работавшему в посольстве Германии, который снял часть их дома как дачу.

Ошибка наборщика, ставшая хрестоматийным сюжетом литературы и кино, стоила жизни наборщику 1-й Образцовой типографии Д.Г. Ларюкову. «В феврале мес. 1937 г. он допустил грубую ошибку, в заводской многотиражке набрал: «очистить Советский Союз от Советской нечисти» вместо «троцкистской нечисти». Расстрелян в Бутово 25 ноября 1937 года.

После войны расстрелов в Бутове уже не проводили, только хоронили казненных и умерших в московских тюрьмах, а в конце 50-х полигон закрыли. Но еще в 90-х территория бывшего полигона находилась под серьезной охраной КГБ. В 1995 году ФСБ передало часть территории полигона церкви. Вскоре здесь воздвигли небольшой деревянный храм по проекту Д.М. Шаховского. Научно-познавательный центр при храме собирает материалы и реликвии, связанные с жизнью пострадавших на полигоне, с его историей. Полигон, выглядевший изначально как

свалка, постепенно благоустраивается. «Мы придали могилам благородный вид. Сначала они больше напоминали проваленные ямы, — говорит отец Кирилл. — Теперь люди приходят сюда для почтения мертвых, для молитв и размышлений». В последнее время в Бутове не проводили новых раскопок, сосредоточившись на исследованиях атрибутов, найденных в прошлые годы. Каждую весну Патриарх Алексей совершает здесь богослужение памяти убиенных. Отец Кирилл рассказал, что в этом году храм в Бутове может стать местом объединения Русской и Зарубежной православных церквей — «Мы все молимся об объединении, это станет одним из главных событий эпохи. И уж конечно, полигон Бутово, «Русская Голгофа», для этого события — место самое подходящее».

В этом году в Бутовском мемориальном комплексе было завершено строительство православного храма, а также установлен 12-метровый Большой Поклонный крест, который специально был доставлен сюда крестным ходом из Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря.

Храм Новомучеников и Исповедников Российских в Бутово

Использованная литература:

1. Кузьмин В. Поминальная молитва: Владимир Путин посетил Бутовский полигон, где похоронены жертвы массовых расстрелов / В. Кузьмин // Российская газета. — 2007. — 31 октября. — С. 1, 2.
2. Орешкин Д. 1937-й: муки осознания / Д. Орешкин // Вокруг света. — 2007. — N 7. — С. 98-109.
3. Федорова О. Выстрелы за колючей проволокой / О. Федорова // История. — 2006. — С. 23-27.
4. Голованов В. География скорби / В. Голованов // Вокруг света. — 2003. — N 9. — С. 28-43.

Трагические судьбы репрессированных (Персоналии)

«Большой террор» — это страдания и искаленные судьбы нескольких поколений, это вырванные из жизни люди, отобранная у них надежда и любовь, это воплощение ужаса тоталитарного государства, страшный сон, оказавшийся явью.

Как же попадали в лагеря, с чего начиналась череда человеческих страданий? Для обреченного ГУЛАГ начинался не с этапа или лагеря как такового, а с ареста. Именно при аресте и обыске человек впервые сталкивался с Системой. Каждый по-разному реагировал на казенную фразу «Вы арестованы». Некоторые, в основном те, кто был связан с Органами, успевали покончить с собой.

Старые революционеры встречали арест мужественно, но основная масса людей при аресте терялась, задавала общий для всех и, в сущности, бесполезный вопрос «за что?», твердо верила в то, что произошла ошибка.

А вот что говорит об аресте Александр Солженицын: «Арест!! Сказать ли, что это перелом вашей жизни? Что это прямой удар молнии в вас? Что это не вмещаемое духовное потрясение, с которым не каждый может освоиться и часто сползает в безумие?...»

Надо отметить, что череда физических страданий политзаключенного начиналась со следствия, с пытки. Пытка заставляла человека подписывать самые нелепые признания. Обратимся к Солженицыну: «Полуграмотный печник любил в свободное время расписываться — это возвышало его перед самим собой. Бумаги чистой не было, он расписывался на газетах. Его газету с росчерком по лику Отца и Учителя соседи обнаружили в мешочке в коммунальной уборной». Конечно же, он был арестован и, конечно же, не по доброй воле подписал признание в антисоветской агитации.

При первом знакомстве с мемуарами вначале возникает недоумение: почему сильные, зачастую умудренные жизнью, военным опытом люди признавали себя виновными в нелепейших обвинениях, подписывали признания в том, что являлись англо-немецко-шведско-греческими шпионами, что вели подрывную работу, разрушали советский строй, который сами же и построили. Но по мере углубления приходит понимание: люди подвергались невыносимой обработке физическими страданиями, пытками.

Евгения Гинзбург в «Крутом маршруте» с горькой иронией рассказывает, как ей повезло, что к ней не применяли пыток. Расследование ее дела было закончено до выхода в свет в апреле 1938 года печально известного приказа о возможности применения мер физического воздействия в ходе следствия. Но и от тех методов, о которых рассказывает Гинзбург, замирает душа. Ее «ставили на конвейер», то есть несколько дней не давали возможности спать, оставляли без еды, много часов подряд не разрешали садиться, заставляли стоять на ногах, во время допросов прямо в глаза направляли яркий свет лампы. Это ли не пытки! Оказывается, нет. После апреля 1938 года стало еще страшнее, арестованных избивали, загоняли иголки под ногти... как изобретательны оказались палачи в выдумывании тысячи способов издевательств. Не случайно среди чекистов был популярен термин: «расколоть обвиняемого». Человека действительно раскалывали, уродовали тело и душу.

Были «перепаханы» все слои советского общества. Никто не был застрахован от ареста, какое бы положение в обществе он ни занимал: самое высокое или, напротив, самое незаметное. Были уничтожены и высшие партийные функционеры: Бухарин, Рыков, Каменев, Зиновьев, и военачальники, такие как Тухачевский, Уборевич, Блюхер, ученые, конструкторы: Вавилов, Туполев, поэты и писатели: Бабель, Мандельштам, и многие, многие другие. Миллионы людей: инженеров, историков, рабочих, крестьян, пожарных, печников, истреблены в чудовищной мясорубке! Сколько было таких несчастных, вынужденных сознаться в несуществующих преступлениях, и отправленных в лагерь.

По материалам сайта : www.memorial.krsk.ru

Линия Вангенгейма

Алексей Феодосьевич Вангенгейм

Расстрельная ротация захватила не только партийных активистов. Алексей Феодосьевич Вангенгейм, из давно обрусевших голландцев. Естествоиспытатель, основатель первой в СССР системы метеорологических наблюдений. Все просто: коллективизация, голод, смерть — с точки зрения власти, полбеда. Беда — снижение товарных поставок хлеба. Кто-то должен за это ответить. Не власть же! Виновата, как объяснил Сталин делегатам XVI Пленума, засуха, в которой виноват тот, кого партия поставила командовать погодой.

Короче, посадили убежденного коммуниста Вангенгейма за развал той самой системы, которую он и создал, на пять лет, за вредительство. Понятие «враг народа» пришло позже. Метеоролог попал в относительно приличный лагерь на Соловках. Даже мог писать письма, в том числе маленькой дочери Элеоноре — с картинками, с детскими загадками. Срок подходил к концу, когда грянул тридцать седьмой. Из Центра поступило указание — срочно разгрузить лагерь для нового контингента. Эти уже имели статус «врагов» и редко получали меньше 10 лет. А что делать с прежними — не отпускать же? На местах формируются «тройки», решающие техническую задачу: разгрузить. На Соловках «тройка» вскрыла созревший среди заключенных заговор шпионов и

национал-террористов под названием «Всеукраинский центральный блок». Подобрали 134 человека, общим у которых было только знание украинского языка или родня на Украине. Рассмотрели персональные дела — десятками за день, вынесли приговор, и быстро в Кемь, за пулей в затылок. Однако бумажный порядок соблюдался. В расстрельном протоколе от 9 октября 1937 года террорист профессор Вангенгейм (№ 120) соседствует с Яворским Матвеем Ивановичем — № 118 («историк-экономист, владеет языками русским, польским, чешским, белорусским, немецким, французским, итальянским, латинским и греческим, имеет брата Ивана в Праге и в Галиции (Львов) сестру Екатерину»), с Чеховским Владимиром Моисеевичем — № 119 («профессор историк»), с Грушевским Сергеем Григорьевичем — № 121 («профессор историк») и так далее. Всего в лагере вскрыли несколько разветвленных контрреволюционных организаций: заговорщики, фашисты, террористы. Но места новеньким все равно не хватало. Вангенгейм сел за засуху, а расстрелян был как национал-террорист.

23 июня 1956 года Военная коллегия Верховного Суда признала расстрел необоснованным и реабилитировала метеоролога посмертно, однако родне об этом не сказала. Зачем? Семье выдали солидный государственный документ — свидетельство о смерти I-ЮБ № 035252 от 26 апреля 1957 года, где указано, что Вангенгейм А.Ф. умер 17 августа 1942 года от перитонита. И только в 1992 году выросшая дочь Элеонора добилась от властей правды. И до сих пор не может понять: зачем было врать над костями? В 1957 году? Ответ — двоемыслие. Хрущев, ниспровергатель Сталина, в этом отношении — верный его последователь. Сталин плох, но созданная им советская система замечательна, нельзя допустить подрыва ее основ.

Использованная литература:

1. Орешкин Д. 1937-й: муки осознания / Д. Орешкин // Вокруг света. – 2007. – N 7. – С. 98-109.

Список дополнительной литературы:

1. Поживши в ГУЛАГе: сборник воспоминаний / Сост. А. И. Солженицын. – М.: Русский путь, 2001. – 408 с. [Мемуары людей, прошедших ГУЛАГ]
2. Барташевич Л. Уроки одной судьбы /Л. Барташевич // Нева. – 2006. – N 11. – С. 256-258. [Личный архив одного из оболганных в свое время, а ныне реабилитированных людей]
3. Микоян С. Алексей Снегов в борьбе за "десталинизацию" / С. А. Микоян // Вопросы истории. - 2006. - N 4. - С. 69-84. [Воспоминания сына Анастаса Ивановича Микояна об Алексее Владимировиче Снегове - государственном деятеле, борце со сталинизмом, человеке, испытавшем на себе все тяготы эпохи репрессий.]
4. Тарасова Н.В. Проектная работа по истории / Н.В. Тарасова // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2004. – N 3. – С. 40-45. [Об аресте Николая Заболоцкого в марте 1938 года, по воспоминаниям его сына Никиты Николаевича]
5. Картунова А. И. 1938-й. Последний год жизни и деятельности маршала В. К. Блюхера / А. И. Картунова // Новая и новейшая история. - 2004. - N 1. - С. 164-183. [О последнем годе жизни маршала Василия Константиновича Блюхера (1890-1938 гг.)]
6. Головникова О.В. "И все-таки я буду историком!"(О новых следственных материалах по делу Льва Гумилева и студентов ЛГУ в 1938 году, найденных в Российском государственном военном архиве) : наши публикации / О.В. Головникова, Н.С. Тархова // Звезда. - 2002. - N 8. - С. С. 114-135.
7. Огрызко В. Загадочная фигура : драма / В. Огрызко // Мир Севера. - 2002. - N 2. - С. С. 86-96. : ил., фото. - ил: Фотографии из "расстрельного дела" Михаила Плотникова [История о трагедии сибирского писателя Михаила Плотникова. Арестован в 1938 году.]
8. Крушинский. М. Соловей за решеткой: Вадим Козин: Дело N 85 и 94-к: Судьбы / М. Крушинский // Родина. - 2001. - N 10.. - С. 88-93.: , портр. [Певец, репрессирован в период сталинского правления. С.92-93 - автобиография В.Козина, написанная им в тюрьме по требованию начальника следственного изолятора (1959 год, Магадан)]

Репрессии священнослужителей

В ушедшем XX веке Русская Православная Церковь, по слову Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, "пережила беспрецедентные гонения, воздвигнутые богоборцами на веру Христову". Сколько всего священнослужителей и мирян пострадало? Точного ответа на этот вопрос сегодня не даст никто. Гонения на Церковь, начавшиеся уже в 1918 году, достигли своего апогея в 1937-1938 годах. На основании данных правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, **только в 1937 году было арестовано 136900 православных священно- и церковнослужителей, из них расстреляно 85300; в 1938 арестовано 28300, расстреляно 21500.**

В августе 2000 года **Архиерейский Собор канонизировал 1154 святых мучеников и исповедников российских XX века.** В сонм новопрославленных святых вошли и представители старинной священнической династии Правдолюбых, которая уже почти 300 лет служит Церкви Христовой и Отечеству.

Среди канонизированных новопрославленных святых четверо Правдолюбых - отец и его трое сыновей.

Первый из них - отец, протоиерей Анатолий Авдеевич Правдолюбов, который был арестован чекистами и расстрелян 23 декабря 1937 года в Рязани.

Вторым причислен к лику святых мучеников его старший сын Владимир Анатольевич Правдолюбов, который к моменту гибели отца уже был расстрелян большевиками. Владимир Анатольевич был кандидатом богословия и доцентом Второго Московского Университета. Первый раз его арестовали в 1918 году. После заключения он особо заботился о беспризорных детях, устроил в Москве уникальный детдом, питомцы которого изучали литературу и искусство. В 1925 году Владимира Анатольевича вновь арестовали и отправили на три года в Соловки, а затем выслали на поселение. Далее последовал его очередной арест, заключение в карагандинские лагеря, где он был расстрелян 4 октября 1937 года.

Третий из прославленных святых Правдолюбых - протоиерей Сергей Анатольевич Правдолюбов, который был арестован в 1935 году и сослан вместе со своим сыном (тогда еще мальчиком, будущим священником) в Соловецкий лагерь на пять лет. В 1944 году протоиерея Сергея вновь лишают храма и ссылают на каменоломни под Малеево. Вернувшись в 1947 году с каторги тяжело больным человеком, он прожил в семье только три года.

Четвертый из прославленных святых - священник Николай Анатольевич Правдолюбов. Отец Николай был сослан на Соловки на пять лет. После освобождения ему было запрещено служить. Однажды к нему пришли верующие и просили начать служить в их храме, так как у них нет священника и власти хотят его закрыть. Отец Николай обратился за благословением к своей матери, Клавдии Андреевне Правдолюбовой (напомним, что к тому моменту были расстреляны ее муж и старший сын). После долгой молитвы Клавдия Андреевна благословила своего сына на служение. Священник Николай Анатольевич Правдолюбов начал служить в храме Елатьмы. Вскоре, 13 августа 1941 года (уже шла война), его арестовали и расстреляли во дворе рязанской тюрьмы.

Сталинский тезис об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму развязал руки не только НКВД, но и атеистам. Каждый священнослужитель обязан был теперь пройти через всеохватывающее анкетирование, которое определяло степень терпимости режимом этого лица. Жизнь приходов контролировалась инспекторами по наблюдению и негласными осведомителями НКВД. При составлении регулярных докладов им предписывалось подробно освещать даже такие вопросы, как: «Откуда религиозные общества приобретают просвирки и свечи, месячный их расход и куда распределяются полученные деньги за проданные просвирки и свечи». Доклад должен был содержать «краткое сообщение по данному священнослужителю из личных наблюдений и проверок осведомителя». При подозрении в уклонении от установленных правил религиозной деятельности или по любому доносу священнослужители подвергались аресту, а в лучшем случае выводились за штат. **По Ленинграду численность священников сократилась только за 1937—1938 гг. по сравнению с 1936 г. втрое, из 79 их осталось 25.**

К 1941 г. Российская Православная Церковь (РПЦ) имела 3021 действующий храм, причем

около 3 тыс. из них находились на территориях, вошедших в состав СССР в 1939—1940 годах. Священнослужителей насчитывалось накануне войны 6376 (в 1914 г. клир РПЦ составлял 66 100 священников и диаконов). **В 1938 г. в СССР не существовало ни одного монастыря.** После присоединения Восточной Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии их стало 64 (в 1914 г.— 1025). **От высшего духовенства в предвоенные годы осталось четыре человека: два епископа и два митрополита составляли весь епископат РПЦ.** С 1918 г. не созывались ни Поместный, ни архиерейские соборы.

Положение митрополита Сергия, ставшего в 1934 г. митрополитом Московским и Коломенским, а в 1937 г.— Патриаршим Местоблюстителем, напоминало плен. О встрече с ним в Москве в 1939 г. рассказывал митрополит Пантелеймон (Рожновский). Атмосфера внутренней напряженности, постоянной слежки — вот условия, в которых постоянно пребывал Сергий. Отправляясь однажды осматривать московские храмы, Местоблюститель сказал на ухо Пантелеймону: «Владыко, помолитесь прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут... Куда нас везут, сам не знаю». Пантелеймон, прибывший на эту встречу из Западной Белоруссии, был потрясен.

Использованная литература:

1. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в 1927-1943 годах / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1994. – N 4. – С. 35-46.
2. Статья «Кровь мучеников – семя Христова» из Интернет-сайта : www.pravoslavie.ru

Список дополнительной литературы:

1. Джалагоня В. Павел Флоренский, жизнь и житие / В. Джалагоня // Эхо планеты. – 2007. - № 46-47. – С. 32-33. [К 70-летию трагической гибели Павла Флоренского]
2. 8 декабря 1937 г. На Левашовой пустыни под Ленинградом расстрелян священник Павел Александрович Флоренский // История. – 2007. - № 22. – С. 3.
3. Якутин Н. Соловецкая Пасха / Н. Якутин // Экономика и жизнь. – 2007. – N 12. – С.36. [Репрессированные священнослужители в Соловецком лагере.]
4. Голованов В. География скорби /В. Голованов // Вокруг света. – 2003. – N 9. – С. 28-43. [О священномучениках митрополите Серафиме и отце Владимире Амбарцумове, расстрелянных в 1937 году на Бутовском полигоне. Увековечение памяти всех погибших на Бутовском полигоне.]
5. Цимбаев Н. Русская Православная Церковь в годы испытаний (1900-1941) / Н. Цимбаев // Вопросы философии. – 2001. – N 5. – С. 33-40.
6. Филиппов Б. Православная церковь и советская власть [с 1917 до 1980-х гг.] / Б. Филиппов // История. – 1996. – N 18. – С. 9-13.

«Большой террор» в Мурманской области.

Волна репрессий, прокатившаяся по Центральной России, добралась и до Кольского полуострова.

Чаще всего формальным поводом для ареста, последующего суда и расправы служили так называемые «антисоветские» высказывания человека, которые тут же становились известными НКВД. Никто нигде не чувствовал себя в безопасности: уборщица и командующий Северным флотом, парикмахер и первый секретарь окружного комитета партии, ни сам работник НКВД – каждый в любую ночь мог быть арестован.

Одна из причин многочисленных арестов - показания ранее задержанных. Через них выявлялись и вскоре забирались мнимые соучастники.

А это уже контрреволюционная организация. Сколько их напридумывали в области! «Антисоветская вредительская организация в «Мурманрыбе», «Антисоветская вредительская организация в «Полярной правде», «Полярская националистическая шпионско-диверсионная группа», «Финская контрреволюционная националистическая шпионско-повстанческая организация» и даже «Саамская националистическая повстанческая диверсионно-вредительская организация». Это лишь незначительная часть из «раскрытых» на Кольском полуострове. «Были» подобные организации на всех промысловых и транспортных флотах, на Северном флоте, железной дороге, в «Колэнерго» и во многих других более-менее крупных предприятиях, учреждениях и организациях.

Через подобные организации подвели под расстрел многих людей, сделавших немало доброго для развития нашего края.

Преступной считались любая связь с иностранцами. На Кольском полуострове до конца 20-х годов, по сути, не было границы с Норвегией и Финляндией, и многие финны и норвежцы, со времени колонизации Кольского полуострова, когда царское правительство разрешило на определённых условиях участвовать в ней иностранцам, свободно приходили к нам, селились, обустроивались, жили годами и десятилетиями. В 30-е годы все они оказались «шпионами» или осуждались за «нелегальный» переход границы.

Нередко нечестные люди попадались на воровстве, махинациях, растратах, хищениях денег и материальных средств. Но, удивительно, их судили не как обычных воров, а по той же знаменитой 58-й политической статье - за вредительство. Поэтому они сегодня тоже реабилитированы и считаются жертвами политических репрессий.

В. Кондриков 1931 г.

Арестовывали людей практически всех возрастов и профессий. Ночные «вороны» увозили и дворника, и крупного хозяйственного руководителя. Был расстрелян **В. Кондриков, человек, строивший комбинаты «Апатит» и «Североникель», города Кировск и Мончегорск.** Сгинули ни за что секретарь окружного комитета партии В. К. Шаффиоров, секретарь Кировского райкома И. Ф. Шатров, судья Г. Я. Шалыгина, директор Мурманского краеведческого музея В. К. Алымов.

Пострадало много людей творческих профессий и, в первую очередь, журналистов. Больше всего «изъято» их из «Полярной правды» и «Кировского рабочего». В областной газете забрали не только действовавшего в то время редактора, но и нескольких

его предшественников, а заодно заместителя редактора, ведающего отделом. Были репрессированы также журналисты Колесников, Лавров, Лазаревич, Ломов, Молчанов, Панышин. Поэт Лев Ошанин, работавший в Хибинах в 30-е годы, составил целый список своих коллег - репрессированных тамошних газетчиков.

Главным оружием в борьбе с собственным народом, которое использовал И. В. Сталин, были органы НКВД. Но и они сами понесли тяжёлые потери. В Советском Союзе было репрессировано

более 20 тысяч работников органов. В их числе старые чекисты, соратники Ф. Э. Дзержинского, многие другие честные работники. В нашей области арестованы и осуждены около 30 работников НКВД. Некоторые - за подозрительное прошлое своих родителей, другие - за мнимые или явные проступки.

Широко практиковались повторные аресты. Людям, отсидевшим в начале тридцатых годов немало месяцев и даже лет в камерах предварительного заключения и освобождённым судами и внесудебными органами, в конце того же десятилетия вновь предъявлялись прежние обвинения, по прежним статьям, за те же самые явные или мнимые действия. И вторичные приговоры были более суровыми, как правило, высшая мера наказания.

Подробности «Саамского заговора»

В 1938 году было сфабриковано крупное и громкое дело о враждебной деятельности так называемой «саамской националистической повстанческой диверсионно-вредительской организации».

По этому делу в качестве документа, подтверждающего наличие у повстанцев оружия, была приобщена фотография с изображением 25 винтовок и 5000 патронов, якобы изъятых у арестованных, а в действительности принадлежащих совхозу «Краснощелье» для охраны.

Арестовали коренных жителей тундры одного за другим. Обвинения традиционны: вели «анти-советские» разговоры, недовольны местной властью, возмущались новыми порядками, в пьяном виде угрожали кому-то из ловозерских коммунистов. В общем, больше всего оленеводы страдали «за язык», а связь между арестованными была житейской: либо родственники, либо друзья и знакомые.

В районном отделении НКВД на всё это смотрели по-другому: есть сговор, намерения свергнуть Советскую власть. Начальник «сей конторы» в Ловозере, очевидно, долго думал, как бы отличиться и выбиться в люди. Читал наверняка и газеты с отчётами о громких процессах в Москве. Задумка самим обнаружить заговоры, шпионаж, связи с иностранной разведкой, по-видимому, была поддержана в Мурманском управлении НКВД.

И машина закрутилась.

Сначала всех арестованных обвинили во вредительстве: падёж оленей - их дело, лесные пожары - тоже. «Но вредительство, - думали в НКВД, - это уже пройденный этап в нашей политике. Классовая борьба по мере продвижения к коммунизму ужесточается: пастухи должны перейти от вредительства к саботажу и диверсиям, пусть они объединятся в повстанческую организацию с целью создания Лопарской республики и вхождения в состав Финляндии».

Так и появились новые определения «организации»: вредительская, диверсионная, контрреволюционная, шпионская и террористическая.

Громкие фразы, видимо, должны были восполнить отсутствие доказательств.

Чтобы придать всему делу солидность, главой «саамского заговора» был объявлен ветеран Севера, настоящий русский интеллигент, ученый-краевед, экономист и плановик (в середине 20-х годов он возглавлял Мурманский губплан), человек, всесторонне знающий жизнь тундры, - **Василий Кондратьевич Алымов**. На момент ареста он был директором Мурманского окружного краеведческого музея.

Дело стало раскручиваться с невероятной скоростью. И всё же было очевидно и по тем временам, что так называемое «саамское дело» было шито белыми нитками. Уже в 1940 году оно было подвергнуто сомнению, а затем определено фальсификацией. В одном из предвоенных документов прямо говорилось: «Саамская повстанческая организация высосана из пальца».

Ясно и другое: некоторые сотрудники Мурманского отдела НКВД хотели на этом деле сделать себе карьеру. И значительная часть вины в содеянном преступлении

Василий Алымов с сыном Сергеем.

ложится на начальника Ловозерского РО НКВД И. М. Михайлова, который за короткий период (несколько месяцев 1938 года) арестовал только в Ловозере более ста человек (а всё население составляло около двух тысяч). Ему активно помогали мурманские сотрудники НКВД и следователи - А. Я. Тощенко, П. В. Терехов, П. В. Гришунов и другие. Это по их приказам и указаниям арестовывались и допрашивались с применением пыток люди. И не потому, что виноваты, а согласно агентурным разработкам и последующим «зацепкам», по национальному и классовому признакам. Это они прибегали к физическим и психологическим методам воздействия на арестованных, убивали невиновных, подделывали («корректировали») документы.

Как сравнительно недавно сообщалось в печати, тогда **«было незаконно арестовано и необоснованно привлечено к ответственности 34 жителя Ловозерского района, 15 человек расстреляны, 13 человек осуждены на длительные сроки лишения свободы, и в отношении шестерых дела были прекращены.»**

Все 15 человек были почти в одно время арестованы и в один день расстреляны. Большинство их - саамы, есть и коми, и русские.

Самому старшему, знаменитому в Ловозерской тундре хозяину и учителю - Ивану Ивановичу Артиеву - было 57 лет, младшему - Никону Герасимову, окончившему Институт народов Севера, было всего 27.

Другим, 13 человекам, дали, как тогда говорили «по десятке». Многие из них, по-видимому, так и не вышли из тюрьмы.

30 октября 1974 года политзаключенные мордовских, пермских лагерей и владимирской тюрьмы объявили голодовку. Тогда же в Москве академик А. Д. Сахаров выступил на пресс-конференции по поводу положения политзаключённых в СССР. Позднее эта дата была названа официальным **Днём памяти жертв политических репрессий**.

Она отмечена ещё одним трагическим событием. В недоброй памяти 1937 года день этот стал последним для 624 жителей Ленинградской области, в которую в то время в качестве округов входила и Мурманская (до мая 1938 г.). В числе безвинно павших были простые советские люди: инженеры и парикмахеры, сторожа и учёные, колхозники и священнослужители. Все они были расстреляны и погребены на **Левашовской пустоши** близ Санкт-Петербурга. В документах ленинградского НКВД это тайное захоронение значилось под названием «Дача».

Все «враги», «враги», «враги»... Погибшие только в один день и только в Ленинграде! Трудно представить, что такое могло происходить не на поле брани, не при землетрясении или другом катаклизме, а в мирное время, среди бела дня...

Первый «расстрельный» день в августе пришёлся на 11 число и унёс с собой 92 жизни. Всего же в августе было проведено 11 расстрелов. За весь месяц погибло 48 человек только из Мурманской области.

В сентябре того же года из 30 дней 16 были «расстрельными». Казнено 107 наших земляков. В следующем месяце «рабочими» днями для палачей стали уже и субботы, и воскресенья. Двадцать один расстрел унёс жизни 178 мурманчан.

А 30 октября в числе погибших оказался журналист «Полярной правды» Н. Снегирёв и советский писатель С. Колбасьев. Этот день стал последним для И. Вертеля, заведующего отделом изысканий «Колэнерго». В том же месяце расстреляли ещё двоих работников этой организации: шофёра Т. Бабяна и агротехника П. Ромашова.

Тела расстрелянных доставлялись в Левашовскую пустошь на машинах и захоранивались в братских могилах. Дороги, пробитые машинами, сохранились до сих пор.

Это братское кладбище, где захоронены 46 771 человек, в том числе 40 485 убитых по политическим мотивам, находится возле станции Левашово, по дороге на Выборг, и стало мемориалом.

Мы не должны забывать об этих страшных годах родной истории. В Мурманске воссоздан в 1996 году «Мемориал» - общественная историко-просветительская организация, цель которой - содействовать восстановлению справедливости в отношении репрессированных и пострадавших от репрессий. В конце 1997 года, не без участия «Мемориала», вышел в свет седьмой том областной Книги памяти, посвященный именно жертвам политических репрессий. А таковых на Мурмане было около 7 тысяч человек.

Использованная литература:

1. Степаненко А. Расстрелянная семья: (Исторические очерки о Кольских саамах) / А. Степаненко. – Мурманск, 2002. – 283 с.: ил.

Список дополнительной литературы:

1. Новичков А. Жертвы репрессий: Из мончегорской летописи / А. Новичков. – Мончегорск, 2000. – 44 с. [Биографии репрессированных мончегорцев]
2. Книга памяти: Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживающих в Мурманской области. – Мурманск: Книжное издательство, 1997. – 409 с.
4. Аристов И. На велосипедах по местам ГУЛАГа // Мурманский вестник. – 2007. – 30 августа. – С. 2. [Об экспедиции активистов хибинского «Мемориала» по местам сталинских лагерей, целью которой стало сохранение памяти о пострадавших в годы репрессий и установление памятных знаков в местах расположения лагерей.]
5. Сиротинская Г. Без права на забвение / Г. Сиротинская // Мурманский вестник. – 2006. – 18 нояб. – С. 3. [О выходе книги С. Тарараскина «Судеб сгоревших очертанья» (Жизнь репрессированных спецпереселенцев в Заполярье. В том числе о судьбе В.И. Кондрикова – управляющего трестом «Апатит»)]
6. Список последних реабилитированных Мурманской областной прокуратурой, ставших жертвами политрепрессий в малолетнем возрасте // Мурманский вестник. – 2004. – 2 нояб. – С.3.
7. Миклюк О. Три судьбы – одно время: 30 октября – День памяти жертв политических репрессий / О. Миклюк // Полярная правда. – 2004. – 29 окт. – С. 3.
8. Сорокажердьев В.В. По страницам следственного дела № 46197 / В.В. Сорокажердьев // Наука и бизнес на Мурмане. – 2004. – № 2(апрель). – С. 47-64. [о трагических страницах биографии В.К. Алымова, репрессированного в годы сталинского режима. Протоколы допросов.]
9. Пострадавшие от репрессий реабилитированы: Список // Мурманский вестник. - 2002. - 27 июня. - С. 3.
10. Киселев А.А. Таинственный Барченко: Поиски Гипербореи закончились для него в подвалах НКВД/ А.А. Киселев // Полярная правда. - 2002. - 9 окт. - С. 2.: фото. [О руководителе Ловозерской экспедиции 1922 года Александре Васильевиче Барченко].
11. Завьялов Ю. Родственник - значит виноват: Госбезопасность рассекретила архивы/ Ю. Завьялов // Полярная правда. - 2001. - 18 июля. - С. 15. [О репрессиях на Кольском полуострове (О сборнике "Органы госбезопасности СССР в годы Великой Отечественной войны").]
12. Копейка В. Уравнили в правах с родителями: Политическая реабилитация/ В. Копейка // Мурманский вестник. - 2001. - 20 нояб. - С. 3. [Списки детей, репрессированных вместе с родителями и реабилитированных в 2001 году.]
13. Из книги о строителях Беломоро-Балтийского канала: воспоминания чекиста // Живая Арктика. – 2001. – N 1. – С. 44-45: ил. [О лагерях на Кольском полуострове]
14. Копейко В. Восстановлены добрые имена/ В. Копейко // Мурманский вестник. – 2000. – 28 дек. – С. 3. [В 1999-2000 годах было реабилитированно 35 человек, арестованных органами НКВД г. Мурманска.]
15. Киселев А.А. Саамский заговор: (Дело N 46197)/ А.А. Киселев // Живая Арктика. - 1999. - N 3-4. - С. 58-60. [Подробно - о "саамском заговоре", по делу о котором были репрессированы в т.ч. жители Пулозера.]

16. Киселев А. Судьба флагмана 1-го ранга К.И. Душенова /Киселев А. // Вопросы истории. – 1999. – № 2. - С. 138-142. [Командир Полярной флотилии; репрессирован в 1940 г.]
17. Голиков М. О тех, кто сказку делал былью: по страницам гулаговской прессы /М. Голиков // Мурманский вестник. – 2000. – 20 сент. – С. 3.
18. Дашинский С. Судьба героя / С. Дашинский // Мурманский вестник. – 1999. – 27 окт. – С. 3-4. [О М.И. Станкевиче – ж/д рабочем, герое труда, репрессированном в 1938 году.]
19. Дашинский С. Театр на Туломе /С. Дашинский // Мурманский вестник. – 1999. – 18 дек. – С. 4. [О судьбе репрессированного актера Вацлава Дворжецкого (играл в Туломе в составе Туломского театра экспедиций)]
20. Киселев А. Кондриков В.И. / А. Киселев // Мурманский вестник. – 1994. – 5 апр. [Судьба репрессированного хозяйственного руководителя Кольского региона В. Кондрикова]
21. Киселев А. История тюрем, лагерей, колоний /А. Киселев // Советский Мурман. – 1993. – 17 марта.
22. Романов Л. Сталинские репрессии: авторы и исполнители /Л. Романов // Полярная правда. – 1992. – 28 ноября. – С. 3.

Спецпереселенцы на Мурмане.

Геологоразведочные и поисковые работы привели к открытию богатейших месторождений полезных ископаемых, которые дали основание называть Кольский полуостров «жемчужиной» Советского Союза. Однако их освоение задерживалось из-за отсутствия необходимого количества рабочей силы. Проблема трудовых ресурсов была решена в кратчайшие сроки за счет колонистов и спецпереселенцев.

Мурманская область стала одним из центров расселения спецпереселенцев, депортированных по программе выселения раскулаченных семей в отдаленные и необжитые районы.

Наибольшее количество раскулаченных семей в первой половине 1930 г. было перебросено в Северный край. На 6 мая в Северный край было перебросено из Украины, Белоруссии, Крыма, Нижней и Средней Волги, Центрально-Черноземной области 46 562 семьи (230 065 чел.).

Для принятия такого громадного количества семей спецпереселенцев в Северном крае в исключительно сжатые сроки было намечено построить 870 бараков для временного проживания. Они строились в пределах железнодорожных станций.

Со спецпереселенцами обращались как с животными. Они перевозились в товарных вагонах, в которых находились мужчины и женщины, старики и дети. На весь вагон была одна параша, отсутствовала печь для обогрева. Люди, сидя на полу, находились в пути две-три недели.

В Северный край спецпереселенцы стали прибывать с 25 февраля 1930 г. эшелонами по 1500-1800 человек. В течение трех месяцев сюда предполагалось вывезти свыше 230 тыс. человек. Вся эта громадная масса людей проходила по двум основным магистралям края: Вологда — Архангельск и Вятка — Котлас.

В информации наркому внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачеву сообщалось: «Спешно разгружаются эшелоны и не всегда организованно: люди отправляются в одни пункты, а вещи - в другие. В вагоне одна параша, детей на остановках не выпускают, не хватает не только горячей, но и холодной воды».

В результате такого бесчеловечного обращения по свидетельству очевидцев только в Котласе в этот период умирает до 30 детей в день.

К сожалению, установить точное количество прибывших в Мурманский округ спецпереселенцев из-за отсутствия архивных материалов не представляется возможным. На основании имеющихся данных и воспоминаний можно констатировать, что в Мурманский округ было выслано не менее 45 тыс. спецпереселенцев.

Самыми крупными регионами спецпоселений были: Хибиногорск, в котором проживало в 1934 г. 6 277 семей в количестве 19 261 спецпереселенцев, спецпосёлок городского типа Нивастрой, в котором проживало 1466 семей, в количестве 6166 человек, спецпосёлок №5 (центр Мончегорска), в котором в 1938 г. размещалась 241 семья, спецпосёлок Дальние Зеленцы, построенный для астраханских «бывших кулаков», проживавших в 1931 г. в количестве 500 семей. Таким образом, только в 4 центрах спецпоселений проживало 8 484 семьи спецпереселенцев в количестве 30 426 человек трудоспособных в возрасте старше 16 лет.

Прибытие на Кольский полуостров такого громадного количества спецпереселенцев явилось мощным фактором ускорения демографических, экономических и социально-культурных процессов в Мурманском крае. Имеются абсолютно точные данные о численности высланных спецпереселенцев по крупнейшему спецпереселенческому центру округа — городу Кировску и его окрестностям. На 1 января 1935 г. сюда прибыло более 6 тыс. семей спецпереселенцев или более 30 тыс. человек. Остальная незначительная часть спецпереселенцев была размещена в следующих населенных пунктах: посёлок Нивастрой — примерно 7 200 человек, в городе Мурманске — около 4000 человек, которые были заняты на строительстве шоссейной дороги Мурманск- Ваенга; 2,5 тыс. в Мончегорске, и 3 000 спецпереселенцев размещались в поселках Кольского залива и Мурманского берега.

Спецпереселенцы представляли собой основную производительную силу Кольского полуострова, и, таким образом, начиная с 1930 г., спецпереселенцы внесли решающий вклад в создание на Кольском полуострове горно-химической, энергетической, медно-никелевой промышленности; способствовали дальнейшему развитию рыбной промышленности. Это их трудом, ценой огромных жертв, в сталинские годы выросли Хибиногорск, Мончегорск, Беломорск, комбинаты «Апатит», «Североникель», гидроэлектростанции «Нива ГЭС-2», «Нива ГЭС-3» и многие другие объекты. Бесспорно, что им принадлежит решающая роль в индустриализации и урбанизации Кольского полуострова в первой половине XX века.

Только смерть Сталина положила начало дестабилизации тоталитарного режима в СССР и развалу репрессивного механизма системы спецпоселений ГУЛАГа НКВД. С 1953 г. начался мучительно медленный, противоречивый процесс демократизации советского общества и реабилитации жертв политических репрессий. Первым шагом на этом трудном пути стало решение правительства СССР о снятии ограничений по спецпереселению с «бывших кулаков».

В июле 1954 г. по решению правительственных органов были сняты некоторые ограничения в правовом положении спецпереселенцев категории «бывших кулаков». Но они по-прежнему не имели паспортов и права выезда за пределы территорий их вселения. 13 августа 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление № 1738/789сс «О снятии ограничений по спецпереселению с бывших кулаков и других лиц».

Так закончилась «кулацкая ссылка» для 3 млн невинных крестьян, которая длилась почти 25 лет. За это время в спецпоселках ГУЛАГа родилось и выросло новое поколение спецпереселенцев, которое в условиях ограниченного передвижения по стране пользовалось всеми правами советских граждан, принимало активное участие в социально-экономических и культурных процессах, происходивших в СССР.

В период перестройки, обновления советского общества в конце 80-х — начале 90-х гг. законодательными и исполнительными органами СССР и Российской Федерации приняты документы, в которых осуждена репрессивная политика раскулачивания крестьянских хозяйств, реабилитированы жертвы политических репрессий, установлен порядок льгот и компенсаций жертвам репрессий.

Использованная литература:

1. Шашков В.Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: К 65-летию Мурман. обл./ В.Я. Шашков. – Мурманск, 2004. – 316 с.

Список дополнительной литературы:

1. Спецпереселенцы в Хибинах: Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин/Книга воспоминаний/. — Апатиты, 1997. – 220 с.
2. Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове /1930-1936/ В.Я. Шашков. – Мурманск, 1993. – 139 с.
3. Федоров П. Судьбы спецпереселенцев Мурмана и Карелии: Страницы истории/ П. Федоров // Полярная правда. - 2001. - 20 июля. - С. 3. [О новой книге В.Шашкова "Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края".]
4. Шашков В. Великое выселение /В. Шашков // Вечерний Мурманск. – 1999. – 19 окт. – с. 5.
5. Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1900-1933гг. /В.Я. Шашков // Отечественная история. – 1996. – N 1. – С. 150-154.
6. Шашков В., Лобан Н. Спецпереселенцы на Мурмане /В. Шашков, Н. Лобан // Север. – 1992. – N 8. – С. 130-137.

Исправительно-трудовые лагеря в Оленегорском районе.

Первые исправительно-трудовые лагеря в населенных пунктах вдоль Мурманской железной дороги появились в 30-е годы. Правда, труд заключенных на Кольском полуострове использовался еще в 1925-26 гг. на строительстве тракта Пулозеро - Ловозеро (в то время станция Пулозеро входила в наш район. Лагерь в Пулозере назывался Березовским, был номерным и литерным. Литерная статья обозначалась сочетаниями больших букв. Например, ПШ - подозрение в шпионаже, НШ - недоказанный шпионаж, СВПШ - связи, ведущие к подозрению и т.д. Заключенные с литерными статьями во многих лагерях были притеснены даже по сравнению с 58-й статьей.

Кроме того, в ходе массовой кампании раскулачивания в 30-е годы в нашем крае появились первые спецпоселенцы. Мурманский округ был самым крупным спецпоселенческим регионом в Ленинградской области.

Спецпереселенцы Мурмана внесли значительный вклад в развитие горно-химической промышленности, энергетики, промышленности и сельского хозяйства.

На станции Оленья тоже были спецпоселенцы. Известны имена некоторых из них. Это Букке Андрей Мартынович, 1873 года рождения, латыш, находившийся в Оленьей с 1940 года. Он был в это время уже пенсионером. После его смерти 8 сентября 1943 года у него изъята справка трудпоселенца (так в период с 1934 по 1944 годы именовались спецпереселенцы).

Со слов старожилы Оленегорска Назаровой Татьяны Петровны известны еще 3 имени трудпоселенцев. Это Алексей Иванович Стешин, Иван Федорович Бондарев и Шишкин, имя и отчество которого не помнит. Шишкин работал в 50-е годы лесничим. Все трое были раскулачены. Раскулаченные и составили первый поток спецпереселенцев в Мурманской области.

На тракте Пулозеро - Ловозеро возникает еще один лагерь, который находился в районе Рам-

озера. По данным А.А. Киселева и по свидетельствам местных жителей, заключенные построили здесь Царь-город. Часть лагерных помещений была выдолблена в скале

В нашем районе использовался и труд заключенных Беломоро-Балтийского канала (ББК).

Летом 1935 года заключенные приступили к строительству железной дороги Мончегорск - Оленья, которая как воздух была нужна для перевозки грузов, материалов для строящегося комбината «Североникель». В июне 1935 года для строительства железной дороги в Монче-тундре Управлением ББК было выделено 2500 заключенных. К началу 1936 года число рабочих было доведено до 10000 человек. Начальником Беломорстроя был Я.Д. Раппопорт, который позже сам оказался в ряду заключенных сталинских лагерей.

Строили дорогу заключенные 14-го отделения ББК (начальник Рубцов). Вдоль намеченной трассы железной дороги к Мончегорску протяженностью 33 км возникло 7 поселков с заключенными. Один из них находился у станции Оленья. Заключенные в этом поселке обеспечивали связь с Большой землей, перегружали все необходимое для стройки: от рельсов до муки.

Условия, в которых жили и работали заключенные, были очень тяжелыми. Жили в палатках военного образца, которые утеплили только к зиме. Питание было скудным, одеты плохо. Спали в плохо приспособленных помещениях. Многие заболели, каждый 10-й умирал. Политические и блатные содержались вместе. Во время работы на железной дороге много сил уходило на борьбу со снегом. Кроме нескольких экскаваторов, выделенных «Североникелем», никакой техники не было. Почти все работы выполнялись вручную, использовались тачки, носилки, лопаты.

К 1 мая 1936 года железнодорожная ветка была построена. Но когда стало таять, то насыпь стала расползаться, многие шпалы повисли в воздухе. Все лето 1936 года комбинату «Североникель» пришлось устранять неполадки с помощью 1700 вольнонаемных рабочих. А 14-е отделение ББК направили на другие, более важные объекты.

Создание Оленегорского исправительно-трудового лагеря имеет свою предысторию. В 1932 году были открыты железорудные месторождения в нашем районе, интерес к которым возник вновь в 1939 году. Речь шла о создании на Севере новой металлургической базы для обеспечения сырьем всех потребностей машиностроения на месте с центром в Череповце.

Время было тревожное. Германия захватила уже пол-Европы. Стройка в Череповце забурлила. И.В. Сталин приказал форсировать работы по Ене и Заимандре, велено перебросить туда буровые станки с других месторождений и отобрать для промышленных испытаний образцы руды. Первостроителями новой металлургической базы должны были стать обитатели ГУЛАГа.

По сведениям мурманского краеведа С.Н. Дашинского, нашедшего подтверждение в архиве, данным архивных документов Оленегорского ЗАГСа, «Книги памяти жертв политических репрессий», **лагерь на станции Оленья был открыт 17 октября 1940 года.** 6 февраля 1941 года сюда прибыли первые заключенные. Первым начальником лагеря стал Воканович.

9 марта 1941 года руководитель Череповецкого металлургического комбината (ЧМК) Н.П. Кузякин прибыл в Оленью. Здесь уже вместе со специалистами Ленгеологии и Механобра трудились 270 заключенных. Они рубили лес, прокладывали автодорогу, кирками и лопатами долбили в скальной породе шурфы и каналы для бурения.

К 1 июля 1941 года, по сведениям С.Н. Дашинского, заключенных было уже 1349 человек. Руду удалось доставить на станцию Оленья лишь 21 июня. А на следующий день началась война. 28 июня 1941 года лагерь был закрыт из-за наступления немцев.

С началом войны с Германией в 1941 году все лагеря на Кольском полуострове были ликвидированы, а арестанты вывезены на восток. Но уже с 1944 года вновь появляются **фильтрационные поселения и лагеря для военнопленных, партизан, людей, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории.** Потом возникли исправительно-трудовые колонии (ИТК) при всех крупных предприятиях Кольского края.

С окончанием Великой Отечественной войны строительство железорудной базы в Заполярье

было взято под особый контроль руководства страны.

Для претворения этих планов в жизнь нужны были рабочие руки. По данным А. А. Киселева, уже в 1946 - 47 годах в Оленьей было 3 ИТЛ.

Для ведения строительства Оленегорского ГОКа 30 ноября 1948 года организуется управление «Рудстрой». Его начальником становится В.Я. Романов, а главным инженером - Л.Б. Стеткевич.

В январе 1949 года было образовано Ено-Заимандровское рудоуправление «Колжеллуда». В его задачу входило строительство Оленегорского и Енского рудников - основной базы Череповецкого металлургического завода.

В 3-х километрах от станции Оленья начинается строительство промышленных объектов и рабочего поселка для прибывающих новоселов. На новостройку прибывало много добровольцев, вольнонаемных, а также заключенные.

Для удовлетворения потребности в рабочих кадрах там создается новый исправительно-трудовой лагерь на месте теперь уже бывшего подхоза. Раньше здесь был лагерь геологов. Избы геологов раскатали, перевезли на станцию Оленья. На территории лагеря построили вышки, ограждения. Выгородили зоны на промплощадке и вокруг кварталов будущего города. Затем пригнали заключенных. По свидетельству старожила Оленегорска Виктора Васильевича Конкиева, живущего здесь с 7 ноября 1949 года, шла их целая лавина.

Заключенные построили всю старую часть города до ДК горняков, фабрику, все старые сооружения на ГОКе.

Внутри огороженных кварталов за высокими заборами и работали заключенные под бдительным наблюдением вооруженной охраны и собак. Вся территория огороженной зоны просматривалась с вышек.

Условия, в которых жили и работали заключенные, были нелегкими.

Оленегорск нач. 50-х. За спинами рабочих видна колючая проволока, огораживающая место работы заключенных

Холод был постоянным спутником заключенных. Так, по свидетельству В.В. Конкиева, на строящуюся фабрику рамы для окон привозили из Апатитов. К концу строительства рам не осталось, т.к., чтобы хоть как-то согреться, заключенные жгли их на кострах.

По воспоминаниям старожила Оленегорска Елены Георгиевны Мавренковой, заключенные бросали через забор играющим рядом детям бумажки с записками и завернутыми в них деньгами с просьбой - купить для них чай и сахар.

О том, насколько была тяжелой жизнь в Оленегорском лагере и насколько было велико желание вырваться оттуда, косвенно говорит следующий факт, который приводит в одной из своих статей А.А. Киселев: «Один заключенный бежал из Оленегорского лагеря в бочке с фекалиями. Как он вытерпел эту вонь без противогаса, почему его не выдал «золотарь» - трудно сказать...»

А вот что вспоминает о жизни этого лагеря старожил Оленегорска Иван Степанович Чувашов: «В лагере сидели не только репрессированные, но и уголовники. Они проигрывали в карты строителей и заключенных и убивали их. Хоронили заключенных на старом (тогда - новом) кладбище у нынешней телевышки, а на могилах ставили просто палочки - бирки с номером. До начала строительства города кладбище находилось на месте нынешнего ДСУ. Здесь хоронили заключенных до 1948 года».

Последним начальником лагеря был Иван Иванович Матвеев. После войны с 1947 года до января 1956 года он проходил военную службу в Мурманской области на различных командных должностях в звании майора. В послевоенный период до 1954 года он и занимал должность начальника Оленегорского ИТЛ. После закрытия лагеря стал начальником ЖКО в поселке Оленья.

После смерти И.В. Сталина в стране постепенно начали закрываться некоторые лагеря. **Оленегорский лагерь расформировали в 1954 году.** Одни заключенные уехали, другие остались жить на станции Оленья, среди последних были одни уголовники. Жители Оленьей, особенно в первое время после закрытия лагеря боялись выходить на улицу. Было страшно и опасно.

По всей видимости, этот лагерь входит в число тех, которые упоминает А.А. Киселев. Где находились еще два лагеря в Оленьей - неизвестно.

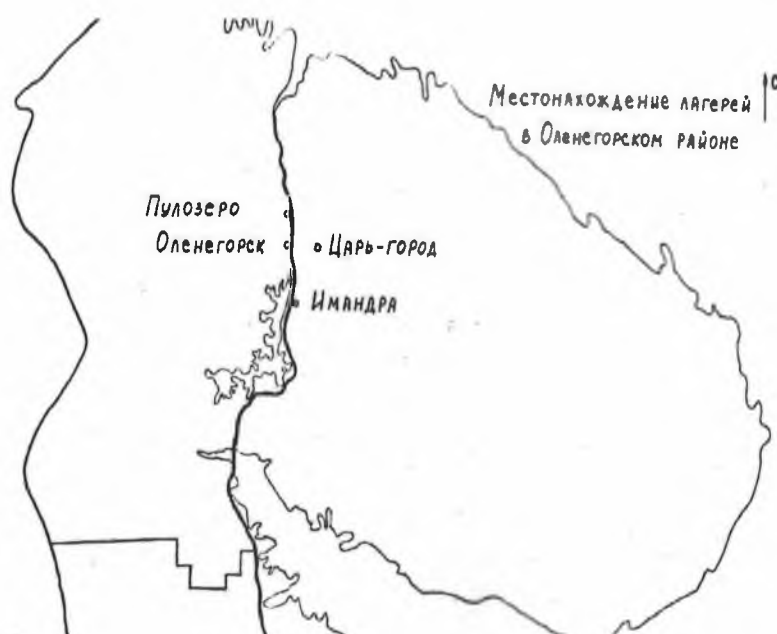
Анализ собранных материалов позволяет сделать вывод, что в Оленегорском районе в довоенное время возникли лагеря в 4-х пунктах: в Пулозере, в районе Рам-озера, в Оленьей и, возможно, в Имандре, а также был поселок в Оленьей, где жили заключенные ББК, строившие железную дорогу Мончегорск - Оленья. В послевоенное время к ним добавились еще 2 лагеря в Оленьей, о которых нам пока ничего не известно.

Труд заключенных активно использовался на строительстве тракта Пулозеро - Ловозеро, на строительстве железной дороги Мончегорск - Оленья, Оленегорского ГОКа, старой части города Оленегорска и Царь-города. В этих лагерях сидели как политические, так и уголовники.

Были в нашем районе и трудпоселенцы, появившиеся здесь в ходе массовой кампании раскулачивания и переселения «неустойчивых элементов» во время советско-финской войны.

Среди заключенных местных жителей не было.

В истории оленегорских лагерей еще много неясного: какова была их внутренняя жизнь, кто были эти заключенные. Мы не знаем пока имена репрессированных, сидевших в этих лагерях. А ведь за каждым именем человека, ставшего жертвой сталинской политики - его судьба, судьба его близких.

Использованная литература:

1. Лавренов С. История создания исправительно-трудовых лагерей в Оленегорском районе (1930-1950-е годы): реферат / С. Лавренов. – Оленегорск, 2002. – 11 с.

Список дополнительной литературы:

1. Венспи О. Все начиналось с землянок / О. Венспи // Заполярная руда. – 1999. – 8 мая.-С. 3, 7.
2. Мончегорские жертвы сталинских репрессий (Списки реабилитированных) //Мончегорский рабочий. – 1990. – 14 июня (Продолж. 16 июня, 19 июня, 21 июня, 23 июня, 28 июня).
3. Новичков А. Бой за Никель /А. Новичков //Мончегорский рабочий. – 1986. – 20 нояб. – С.4. (продолж. 22 нояб. – С. 3). [Автор приводит воспоминания очевидцев об аресте В. Кондрикова на станции Оленья.]

Лагерная проза.

Перед этим горем гнутся горы,
Не течёт великая река.
Но крепки тюремные запоры,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска.

А. Ахматова

В наши дни стало ясно, что так называемая лагерная проза имеет для общественного и художественного сознания ничуть не меньшее значение, чем деревенская или военная, например. Возникновение этой литературы - явление уникальное в мировом искусстве. Почему появились эти страшные книги?

Они рождены стремлением осмыслить происходившее в течение нескольких десятилетий, название чему - геноцид, оживить память о 30-40-х годах, рассказать о миллионах невинно пострадавших, показать, что есть насилие как система, как форма государственного правления.

Авторы наиболее известной лагерной прозы - писатели, имеющие личный трагический опыт:

Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»,
Е. Гинзбург. «Крутой маршрут»,
А. Жигулин. «Чёрные камни»,
О. Волков. «Погружение во тьму»,
И. Солоневич. «Россия в концлагере»,
А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»,
В. Шаламов. «Колымские рассказы».

Эти писатели запечатлели ужас лагерных застенков, но они обратились и к вечным проблемам человеческого существования, и, прежде всего - соотношению добра и зла в душе человека. Лагерная проза XX века имеет предшественника - Ф.М. Достоевского, автора «Записок из Мёртвого дома», в которых писатель приходит к мысли, что зло таится в человеке гораздо глубже, чем предполагали те, кто стремится немедленно улучшить человеческую породу.

А.И. Солженицын об этом же писал в «Архипелаге ГУЛАГе»: "Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, - она проходит через каждое человеческое сердце - и через все человеческие сердца... Нельзя изгнать вовсе зло из них, но можно потеснить в каждом человеке..."

Александр Исаевич Солженицын стал открывателем лагерной темы: в 1962 году в журнале «Новый мир» был напечатан его рассказ «Один день Ивана Денисовича» (1959). Солженицын - автор самого большого произведения о сталинских тюрьмах и лагерях - «Архипелаг ГУЛАГ». Солженицын стал настоящим летописцем сталинских лагерей, охвативших всю территорию Советского Союза - от Соловков до Колымы. Он назвал свою книгу «Архипелаг ГУЛАГ». В ней он, основываясь на свидетельствах заключённых, на своих знаниях, обстоятельно рассказывает, а вернее - свидетельствует, исследует историю появления этого Архипелага. Эта книга стала на сегодняшний день наиболее полной «энциклопедией» гулаговской жизни. Значение этой книги Солженицына выражено в его обращении 1977 года уже из Вермонта к бывшим энкам: «Я призываю моих соотечественников теперь же сесть писать воспоминания и присылать их, чтобы горе наше не ушло вместе с нами бесследно, но сохранилось бы для русской памяти, остерегая на будущее...»

Судьба другого писателя - Варлама Шаламова - это трагедия исковерканной жизни, судьба

одного из мучеников не фашистского, а своего, советского, сталинского лагеря, где он провёл семнадцать лет. Когда познакомишься с биографией этого человека, меркнут собственные невзгоды.

В книге о Вишерском лагере он пишет: «Твердо решил - на всю жизнь! - поступать только по совести. Худо ли, хорошо ли проживу я свою жизнь, но слушать я много не буду, ни «больших», ни «маленьких» людей. Мои ошибки будут моими ошибками, мои победы - моими победами».

«Колымские рассказы» В.Шаламова написаны в период между 1954 и 1973 годами. Когда «Новый мир» напечатал «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, многие «Колымские рассказы» уже были созданы, но о печатании их нечего было и думать, они появятся много позднее.

Из всех прочитанных книг о ГУЛАГе «Колымские рассказы» производят самое тяжёлое, самое горькое впечатление. Трагедия людей беспросветна. Но странное дело - их хочется читать, рассказ за рассказом, цикл за циклом (а их шесть), хочется потом перечитывать.

Писательница Фрида Вигдорова признавалась автору: «Я прочитала ваши рассказы. Они самые жестокие из всех, что мне приходилось читать. Самые горькие и беспощадные. Там люди без прошлого, без биографии, без воспоминаний. Там говорится, что беда не объединяет людей. Что там человек думает только о себе, о том, чтобы выжить. Но почему же закрываешь рукопись с верой в честь, добро, человеческое достоинство? Это таинственно, я этого объяснить не могу, я не знаю, как это получается, но это – так».

После чтения Шаламова нет ощущения, что жить не хочется. Как это получается - тайна. После Шаламова много думаешь, ищешь среди его героев себя, примериваешь на себя, ведь Шаламов утверждает, что "лагерь мироподобен". Где мы там? Где наше место там, в том мире? Там мы кто? А здесь у нас не смешиваются ли понятия добра и зла? Не здесь ли начинается смешение?

Читая «Колымские рассказы», не забываешь об авторе, о его страшной судьбе, которая его не сломала. Шаламов нигде никого не судит, не поучает, не осуждает. Но он - несломленный, выстоявший - в своих рассказах.

И вновь возвращаешься к мысли Достоевского о соотношении зла и добра в душе человека. Лагерная проза дает серьёзный повод подумать не об абстрактном человеке, а о себе, конкретно о себе. Ведь "нравственная содержательность есть отличительная черта русской литературы" - так писал В.Шапамов.

Использованная литература:

1. Ячменева Т. Лагерная проза в русской литературе (А.И. Солженицын и В.Т. Шаламов) / Т. Ячменева // Литература. – 1996. - N 32. – С. 10-11.

Список дополнительной литературы:

1. Павлов О. Комментарии к прочитанному: [Лагерная проза] / О. Павлов // Москва. -1998. – N 1. – С. 171-176.
2. Василевский А. Страдание памяти: [Тема сталинских репрессий в художественной литературе] / А. Василевский // Октябрь. – 1989. – N 4. – С. 180-191.

О. Волков «Погружение во тьму» (о произведении):

1. Крупина Н. Восхождение к свету / Н. Крупина // Литература в школе. – 1991. – N 5. – С. 109-120.

Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей» (о произведении):

1. Василевский А. Кто устоял в сей жизни трудной... / А. Василевский // Литература и современность: Сборник. – М., 1989. – С. 425-432.
2. Сотникова Т. Непойманный хранитель / Т. Сотникова // Вопросы литературы. – 1996. – N 5. – С. 3-20.

3. Пискунова С. Эстетика свободы / С. Пискунова, В. Пискунов // Звезда. – 1992. – N 1. – С. 172-180.
4. Лурье Я. С. Размышления о Ю. Домбровском / Я. С. Лурье // Звезда. – 1991. – N 3. – С. 171-176.
5. Николаев С. Неопровержимость Истин / С. Николаев // Октябрь. – 1989. – N 2. – С. 198-201.

А. Жигулин «Черные камни» (о произведении):

1. Обсуждение «Черных камней» А. Жигулина: [Статьи] // Вопросы литературы. – 1989. – N 9. – С. 105-158.

А.Н. Рыбаков: «Дети Арбата» (о произведении):

1. «Дети Арбата»: история и современность // Литература и современность: Сборник. – М., 1989. – С. 300-313.
2. Теракопьян Л. Завершение спора: [О трилогии А. Рыбакова «Дети Арбата», «Прах и пепел», «Страх»] / Л. Теракопьян // Литературное обозрение. – 1996. – N 1. – С. 39-47.

А.И. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ» (о произведении):

1. Шумилин Д.А. Тема страдания, падения и возрождения личности в «Архипелаге ГУЛАГ» / Д.А. Шумилин // Литература в школе. – 1998. – N 8. – С. 36-44.
2. Арсланов В.Т. Трудные вопросы Кенгира: [По страницам «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына] / В.Т. Арсланов // Октябрь. – 1990. – N 12. – С. 179-186.
3. Дюжев Ю. Русский излом / Ю. Дюжев // Север. – 1993. – N 2. – С. 138-148. [Рецензия]

О рассказе «Один день Ивана Денисовича»:

1. «Один день Ивана Денисовича» // Ломилина Н.И., Сигов В.К. Уроки словесности: дидактические материалы по русскому языку и литературе. Современная проза (60-е – 80-е годы XX века). – М.: Интеллект центр, 2000. – С. 94-100.
2. «... Но люди и здесь живут» // Акимов В. На ветрах времени. – Л., 1991. – С. 263-285.
3. Иван Денисович, его друзья и недруги // Лакшин В. Пути журнальные. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 32-73.
4. Порубова Е. Рецензия на рассказ А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / Е. Парубова // Литература. – 2002. – N 46. – С. 15.
5. Ячменева Т. Лагерная проза в русской литературе (А.И. Солженицын и В.Т. Шаламов) / Т. Ячменева // Литература. – 1996. - N 32. – С. 10-11.

В.Т. Шаламов «Колымские рассказы» (о произведении):

1. Тимофеев Л. Поэтика лагерной прозы. Первое чтение «Колымских рассказов» В. Шаламова / Л. Тимофеев // Русская литература XX века. Учебная книга для старших классов. Часть II. - М., 1995. – С. 164-177.
2. Савельев А. Классик в лагерной телогрейке / А. Савельев // Литература. – 2007. – N 13. – С. 8-9.
3. Хасанова Л. И. Проза В. Т. Шаламова на уроках русской литературы в IX классе / Л. И. Хасанова // Русская словесность. – 2006. – N 3. – С. 33-36.

4. Тепер А.Н. «Воскрешение из мертвых» В. Шаламова / А. Н. Теппер // Литература в школе. — 1994. — N 1. — С. 33
5. Хайрулин Р.З. Сохранить живую душу (материалы для урока. О «Колымских рассказах» Шаламова В.) / Р.З. Хайрулин // Русская словесность. — 1993. — N 5. — С. 58.

Страницы лагерной поэзии

«..Я рифмами обманут
и потому спасен».

Лагерная поэзия — не какая-то самостоятельная, изолированная, замкнутая в себе область, она — часть нашей литературы, часть общей культуры народа, эпохи. Поэты создававшие ее, прекрасно осознавали это и верили, что со временем их стихи перестанут быть тайными и вольются в поток общенародной литературы:

Может быть, через пять поколений,
Через грозный разлив времен
Мир отметит эпоху смятений
И моим средь других имен.

(А. Баркова)

Сколько было поэтов в лагере, мы, скорее всего, никогда не узнаем, даже если станут доступны архивы: такой статистики ГУЛАГа не вел. Членов Союза писателей было репрессировано, по данным Комиссии по литературному наследию репрессированных писателей, около 2000 человек: списочный состав Союза писателей на 1934 г.— 2500 человек, в 1941-м — около 3000, в 1954-м — 3695. Среди репрессированных были известные поэты **С. Клычков, Б. Корнилов, Н. Заболоцкий, О. Мандельштам, В. Нарбут, И. Приблудный, А. Шевцов, П. Орешин, М. Герасимов, Д. Хармс, В. Князев и другие**, но большинство «подпольных поэтов» не являлось до ареста членами Союза писателей, наверное, процент литературно одаренных людей среди заключенных был приблизительно такой же, как и среди вольных.

Начальные страницы истории лагерной поэзии, как и любой другой истории, мифичны. Таким начальным мифом является стихотворение, которое издавна ходит в списках как стихотворение Н. С. Гумилева, будто бы обнаруженное на стене камеры, в которой он сидел перед расстрелом:

В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Проплывает Петроград.
И горит над рдяным диском
Ангел Твой над обелиском,
Словно солнца младший брат.

Я не трушу, я спокоен.
Я моряк, поэт и воин,
Не поддамся палачу.
Пусть клеймит меня позором,
Знаю — сгустком крови черным
За свободу я плачу.

За стихи и за отвагу,
За сонеты и за шпагу,
Знаю, строгий город мой
В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой отвезет меня домой.

Как правило, стихов поэты не записывали, их обнаружение грозило обернуться жестокой карой: карцером, переводом на более тяжелую работу, а то и новым сроком и даже смертью «при попытке к бегству». «Стихи-единственное, что могла без записи сохранить память на долгие годы, - рассказывает Н. Надеждина. - Стихи нельзя было отнять и уничтожить при обыске потому, что они внутри тебя. Так родился цикл «Стихи без бумаги».

Кроме того, если кто-то разживался бумагой, сам процесс писания вызывал подозрение у соседей по бараку:

Кто-то клочок раздобыл, принес,
И сразу в бараке волнение:
То ли стукач пишет донос,
То ли дурак — прошение.

(Н. Надеждина)

Тематика лагерной поэзии бесконечно разнообразна, собственно, она охватывает все области человеческого бытия, как любая поэзия определенной эпохи, в данном случае — эпохи Советского государства 1920-1950-х годов, но в то же самое время лагерная судьба поэтов накладывает на их творчество определенную печать: с одной стороны, положение заключенного заставляет на каждом шагу ощущать ограниченность своей воли и власть жестокого, тупого, лишённого разума произвола над собой; с другой стороны, то же положение заключенного освобождало мысль от страха, и то, о чем на воле запрещали себе думать, здесь становилось если не всегда предметом разговоров (говорить-то все-таки побаивались), то честных размышлений — в лагерях понимали время вернее и глубже, чем на воле.

Сейчас уже изданы воспоминания бывших лагерников, и народ знает, что такое следствие в ГПУ или НКВД, что такое лагерная жизнь и смерть, каторжный труд, произвол лагерного начальства — все то, о чем еще в 1935 году записала А. Баркова:

Да. Я вижу, о Боже великий,
Существует великий ад.
Только он не там, не за гробом,
Он вот здесь окружает меня.

Не менее жестоки, чем физические, были нравственные страдания: трагическое сознание незаслуженного наказания, которому были подвергнуты

преступники без преступления,
виноваты без вины.

(С. Поделков. «Трасса», 1937)

Бессилие опровергнуть ложь, добиться справедливости, тревога за родных и близких, которых также могли взять в любую минуту, подвергнуть пыткам и насилию. О том, что угрозы арестовать, пытать, изнасиловать, убить — не пустые угрозы, об этом обитатели ГУЛАГа знали хорошо. Правда, описаний насилий над незащитными жертвами в стихах «подпольных поэтов» не встречалось: наверное, тут причиной инстинктивные силы самосохранения психики: ведь описать — это пережить трагедию жертвы и трагедию своего бессилия, и после этого — как не лишиться рассудка...

Но и то, что есть в стихах «подпольных поэтов», страшно, ко многим из них можно поставить эпитафией строки Тютчева:

О господи!., и это ПЕРЕЖИТЬ...
И сердце на клочки не разорвалось...

Наверное, самые жестокие муки выпали на долю матерей. Разлука с детьми была страшна, тоска велика. Х. Волович вспоминает слова одной из солагерниц, пожилой партийки: «Если бы партия приказала мне ехать сюда добровольно, разве я бы не поехала? Только сына взяла бы с собой».

Дети в тюрьме и в лагере... Сажали матерей с младенцами. Много забылось, стерлось в памяти, сгладилось, но не забывается, не забывается, как в первую ночь на Лубянке, запертый в боксе, где-то в подвале, я услышал звонкий, быстрый стук детских шагов, по кафельному полу в тишине, звонкий детский голосок и тревожно обрывающий его испуганный женский шепот: «Тише... тише...» Так начинался утренний вывод арестантов на opravку...

Колыбельные песни. Лермонтовская «Казачья колыбельная песня»: «Спи, младенец мой прекрасный...», А.Н. Майкова «Спи, дитя мое, усни! Сладкий сон к себе мани»; колыбельная из кинофильма «Цирк»: «Сто путей, сто дорог для тебя открыты». В то время, как с экранов страны и по радио пелись эти колыбельные, родилась еще одна колыбельная. Ее в 1937-1938 годах не пела (петь запрещено), а шептала в Часовой башни Бутырской жена репрессированного писателя Ивана Катаева, которую посадили как ЧСИР — члена семьи изменника родины вместе с трехмесячным младенцем. В этой единственной в своем роде «тюремной колыбельной», как и в каждой колыбельной, поется и о том, чем встретит ребенка завтрашнее утро:

Утром рано, на рассвете
Корпусной придет,
На поверку станут дети,
Солнышко блеснет...

«Но отец твой старый воин, закален в бою...» — поет казачка у Лермонтова, а в камере Бутырской тюрьмы мать убеждает несмышлениша-сына:

Мальчик мой, не верь в измену
Своего отца...

Любовь — одна из главных тем лагерной поэзии. Для человека, оторванного от любимой или любимого, естественны воспоминания о прошлом и мечты о будущем. Несмотря на то, что очень часто подтверждались горькие строки знаменитой песни

Я знаю, меня ты не ждешь
И писем моих не читаешь,

пожалуй, одна из наиболее распространенных тем их любовной лирики — это тема верности любимой и ожидания.

Лагерная любовь — это почти всегда любовь-жалость, любовь-сочувствие, любовь-доброта, то есть духовная область, которая была особенно нужна людям и которую в них старались уничтожить, в любви находили выход природно присущее человеку милосердие, гуманность, подавляемые в государственном масштабе.

А любовь в тюрьме — нежней,
А любовь в тюрьме — светлей.
Потому что ей там больней...
Потому что ей там трудней...

(С.Шилова)

Очень важен преподанный лагерем опыт духовный: через злобу, отчаяние — к сочувствию, к милосердию, к осознанию высшей ценности в человеческом общежитии добра от классовых, групповых, кастовых ценностей — к общечеловеческим, изначальным.

Лагерная поэзия — это победа духа над бездуховностью, человеческого над бесчеловечным, вечной правды над временными обманами.

Анна Ахматова, пережившая заключение сына, смерть в лагерях мужа, говорила в своем «Requiem» не только от своего мужа, но и от имени безвестной женщины из тюремной очереди, спросившей, может ли она описать все это:

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,
Пусть также они понимают меня
В канун моего погребального дня.

Это были страшные времена, но чтобы они действительно ушли, мы должны о них знать и помнить. Как сказал Анатолий Жигулин, «не надо бояться памяти». Но память невозможна без живого свидетельства поэзии, без ее трагического пафоса и песенной совестливости.

Использованная литература:

1. Поэты, прошедшие ГУЛАГ // Русская литература XX века. Учебная книга для старших классов. Часть II. - М., 1995. - С. 187-220. [Страницы лагерной поэзии]

Дополнительная литература:

1. Черткова Э. «Если зло поощрять, то оно на земле торжествует»: поэтический классный час / Э. Черткова // Литература. - 2007. - № 20. - С. 19-21. [Полный текст сценарии смотри в «Приложении 2»]

Судьбы репрессированных поэтов (список литературы):

Баркова А., о ней:

1. Анна Баркова: сто лет одиночества / Публ. и предисл. Л. Таганов // Новый мир. - 2001. - № 6. - С. 122-127.
2. Таганов Л. «Как дух наш горестный живуч...» / Л. Таганов // Новый мир. - 1995. - № 3. - С. 243-247.
3. Аннинский Л. Крестный путь Анны Барковой / Л. Аннинский // Лит. обозрение. - 1991. - № 8. - С. 7-10.

Гумилев Н.С., о нем:

1. Блюм А. Оправдание невиновного / А. Блюм // Новое время. - 2006. - № 15. - С. 38-40. [О посмертной судьбе книг Николая Гумилева.]
2. Новодворская В. Бескомпромиссный полет орла / В. Новодворская // Новое время. - 2006. - № 15. - С. 37. [Размышления над судьбой поэтов Серебряного века.]
3. Амфитеатров А. Гумилев Н.С. : об аресте поэта / А. Амфитеатров // Юность. - 1994. - № 7. - С. 60-77.
4. Чупринин С. Из твердого камня: судьба и стихи Н. Гумилева / С. Чуприн // Октябрь. - 1989. - № 2. - С. 196-202.

Заболоцкий Н., о нем:

1. Сарнов Б. Восставший из пепла: Путь Н. Заболоцкого / Б. Сарнов // Литература. - 1999. - № 14. - С. 3-12.

Клычков С., о нем:

1. Сергей // Солнцева Н. Китежский павлин. - М., 1992. - С. 107-117.

Корнилов Б., о нем:

1. Шамшуринов В. Дорога на Китеж / В. Шамшуринов // Наш современник. - 2007. - № 7. - С. 267-288. [К 100-летию русского поэта Бориса Петровича Корнилова.]
2. Красников Г. «Я – последний из вашего рода...»: к 100-летию со дня рождения поэта / Г. Красников // Литературная газета. - 2007. - 25-31 июля. - № 30. - С. 6.

3. Аннинский Л. «Пред волею и бедой» [Творчество Б. Корнилова] / Л. Аннинский // Новый мир. – 1988. - № 2. – С. 237-245.

Мандельштам О., о нем:

1. Иконников А. «Я трамвайная вешенка страшной поры...» (Поэт и государство. Гуманизм и современность. Ощущение бытия) / А. Иконников // Граждановедение. – 2006. - № 17. – С. 2.
2. Новодворская В. Бескомпромиссный полет орла / В. Новодворская // Новое время. - 2006. - № 15. - С. 37. [Размышления над судьбой поэтов Серебряного века.]
3. Кушнер А. "Это не литературный факт, а самоубийство" / А. Кушнер // Новый мир. - 2005. - № 7. - С. 132-146. [Отношение Осипа Мандельштама к Сталину и к советской действительности.]
4. Македонов А. Пути Осипа Мандельштама и его посох свободы / А. Македонов // Русская литература. – 1991. - № 1. – С. 42.
5. Кацис Л. Поэт и палач: опыт прочтения «сталинских стихов» / Л. Кацис // Лит. обозрение. – 1991. - № 1. – С. 46-54.

Хармс Д., о нем:

1. Глоцер В. К истории последнего ареста и гибели Даниила Хармса / В. Глоцер // Русская литература. – 1991. - № 1. – С. 204.

«Большой террор» в Интернете.

www.perpetrator2004.narod.ru На сайте представлены исторические документы Советской власти, в том числе документы по Большому террору 1937-1938 гг.

www.sakharov-center.ru На сайте представлена информация о памятниках жертвам репрессий, установленных на территории бывшего СССР

www.history.clow.ru В разделе «История России для школьников и абитуриентов» представлена статья Г.И. Герасимова Действительное влияние репрессий 1937-1938 гг. на офицерский корпус РККА

www.kubanmemo.ru Краснодарское краевое отделение общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» (Российский «Мемориал»). В разделе публикации можно найти следующую информацию:

- С.А. Кропачев - ДЕСЯТЬ ЛЕТ, изменившие страну - сборник научных статей
- Репрессии в цифрах - некоторые обобщенные графические данные по репрессиям
- Репрессированное православие - о репрессиях против служителей церкви на Кубани

www.gulag.ipvnews.org Сайт, полностью посвященный теме ГУЛАГа, содержит огромное количество статей и фотографий, в том числе о Детском ГУЛАГе, а также полный текст книги А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

www.pravoslavie.ru В разделе «Документы истории/архив» содержит информацию о репрессиях среди церковнослужителей

www.butovopolygon.by.ru Сайт содержит информацию о Бутовском полигоне

Приложение 1.

(Фотографии)

Пятнадцатиметровая Маска Скорби, воздвигнутая в Магадане в 1997 году по проекту Эрнста Неизвестного. На площадке перед монументом жертвам ГУЛАГа – 11 блоков с названиями самых страшных колымских лагерей: Бутыгычаг, Эльген, Сернантинка и другие.

**Мемориальная плита в память жертвам
Соловецкой тюрьмы**

Лагерная вышка в одной из тюрем ГУЛАГа

Мемориал на Левашовской пустоши под Петербургом, где покоятся около 40 тысяч жертв ГУЛАГа.

Крест в память репрессированных монахов в Спасском монастыре в г. Муром Владимирской области.
(Фот. Комлев А. Р.)

http://www.temple.ru/show_picture

Мемориальная доска медикам Ухты, большинство из которых – репрессированные

www.sakharov-center.ru

ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ПРОКУРАТУРА
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

183740 г. Мурманск, ГСП, ул. Коммуны, 18а
тел. 47-22-66 телетайп 126231 «СЕВЕР»,
факс 47-28-65

03-09.2001 г. №13-230-95

**СПРАВКА
о реабилитации**

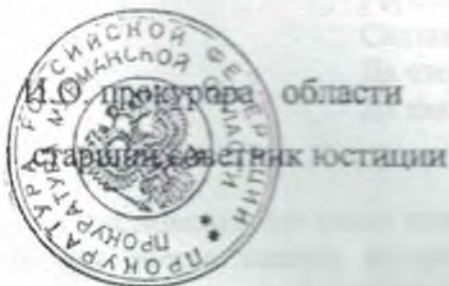

Фот. Александр Смирнов

**Зоя Михайловна Носова.
2002 г., г. Оленегорск.**

Носова (Семякина) Зоя Михайловна, 24 сентября 1937 года рождения, уроженка гор. Полярного Ленинградской (ныне Мурманской) области, по заключению прокуратуры Мурманской области от 15 июня 1995 года на основании ст. 2-1 Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий" признана пострадавшей от политических репрессий.

В соответствии со ст. 1-1 указанного Закона и определением Конституционного Суда Российской Федерации от 1.04.2000 г. № 103-0 Носова Зоя Михайловна, как оставшаяся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, признана подвергшейся политической репрессии и реабилитирована.

Р. А. Нагимов

**Справка о реабилитации Зои Михайловны Носовой,
жительницы Оленегорска**

Приложение 2. (Сценарий поэтического классного часа)

Эльза ЧЕРТКОВА

«Если зло поощрять, то оно на земле торжествует»

Поэтический классный час

Выход участников под звуки песни Игоря Талькова «Россия». Чтецы располагаются двумя группами: справа — девушки сидят за столиком, на котором томики стихов, цветы, портреты Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама. За спинами девушек стоят юноши. Вторая группа расположилась слева в определённом порядке.

Мне страшную быль рассказали —
Её повторить я готов, —
Как древние книги сжигали
В начале тридцатых годов.
Далёко на Севере где-то
Стоял монастырь у воды.
Стоял на окраине света,
Не видел татарской орды.
Тевтонцы туда не пробились,
Ни ляхи,
Ни Наполеон.
Там древние книги хранились
Ещё с византийских времён.
...Костры полыхали багрово,
И отблеск плясал на стене.
И, может быть, подлинник «Слова»
Сгорел в том ужасном огне.
Горели и акты, и святцы,
Сказанья родимой земли...
Да что ж вы наделали, братья!
Да как же вы это смогли?!

(А. Жигулин)

Более шестидесяти лет назад поэт В.Ходасевич писал: "В известном смысле историю русской литературы можно назвать историей изничтожения русских писателей. Побои, солдатчина, тюрьма, ссылка, изгнание, каторга, эшафот и петля — вот краткий перечень лавров, венчающих «чело» русского писателя".

С особой жестокостью каток сталинских репрессий прошёлся по рядам советских писателей. Только в 1937-1938 годах сотни литераторов были расстреляны, превращены в лагерную пыль за то, что пытались говорить правду, за то, что не хотели быть "винтиком" в свирепой машине оболванивания и порабощения народа.

Жизнь угощала меня шоколадом
И шомполами,
Мёдом и горечью,
Порядочными людьми
И сволочью,
Истиной и заблуждением,

И проволочным ограждением!
Это меня тюремный Кощей
Держал на порции хлеба и щей.
Выстоял,
Выдержал,
Переварил,
Через такие горы перевалил,
Каких не знала ещё география.
Вот моя биография!

(В.Боков)

Осенью 1933 года Осип Мандельштам написал небольшое стихотворение.

Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца, —
Там припомнят кремлёвского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны.

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей.
Он играет услугами полулюдей.

Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.

Как подковы, дарит за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.

В ночь с 13 на 14 мая 1934 года Мандельштам был арестован. "С момента ареста я всё время готовился к расстрелу. Ведь у нас это случается и по меньшим поводам", — говорил сам Мандельштам. Следователь прямо угрожал расстрелом не только ему, но и всем тем, кому поэт прочёл стихотворение.

И вдруг произошло чудо. Мандельштама не только не расстреляли, но даже послали на "канал". Он отделался сравнительно лёгкой ссылкой в Чердынь, куда вместе с ним разрешили выехать и его жене.

Как на Каме-реке глазу темно, когда
На дубовых колених стоят города.

В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий сльняк бежит, молодея в воде.

Упираюсь вода в свои четыре весла,
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

Там я плыл по реке с занавеской в окне,

С занавеской в окне, с головою в огне.

Причиной чуда была фраза Сталина: "Изолировать, но сохранить". Никто не понимал, почему Сталин проявил такое мягкосердечие.

Убить поэта — это пустяки. Это самое простое. Он хотел добиться большего. Он хотел заставить Мандельштама написать другие стихи. Стихи, возвеличивающие Иосифа Виссарионовича.

Мандельштам понял намерение Сталина. А может быть, ему намекнули, помогли понять? Так или иначе, доведённый до отчаяния, загнанный в угол, он решил попробовать спасти жизнь ценой нескольких вымученных строк. Он решил написать ожидаемую от него "оду Сталину".

Правдивей правды нет, чем искренность бойца:
Для чести и любви, для доблести и стали
Есть имя славное для сжатых губ чтеца —
Его мы слышали и мы его застали.

Казалось, расчёт Сталина полностью оправдался. Стихи были написаны. Теперь Мандельштама можно было убить. Что и было сделано.

Через четыре года после первого ареста, 2 мая 1938 года, Мандельштам был арестован вторично. В июне 1940 года жене вручили свидетельство о смерти мужа. Согласно ему, он умер в лагере 27 декабря 1938 года от паралича сердца.

Колют ресницы. В груди прикипела слеза.
Чую без страху, что будет и будет гроза.
Кто-то чудной меня что-то торопит забыть.
Душно — и всё-таки до смерти хочется жить.

С нар приподнявшись на первый раздавшийся звук,
Дико и сонно ещё озираясь вокруг,
Так вот бушлатник шершавую песню поёт
В час, как полоской заря над острогом встаёт.
(О.Мандельштам)

Помимо официальной версии смерти поэта, существуют множество других. Кто-то рассказывал, что видел Мандельштама весной 1940 в партии заключённых, отправлявшейся на Колыму. По этой версии, он умер на судне и тело его было брошено в океан.

По другим версиям — Мандельштам в лагере у костра читал Петрарку и был убит уголовниками.

(Под звуки музыки читается стихотворение Н. Домовитова.)

Воздух пахнет, наверно, весной.
Звонко падают с крыши капли.
Я лежу в одиночке сырой,
Пригвождённый к тюремной постели.
Я лежу и считаю часы...
Я ни в чём не виновен, поверьте!
Жду, когда покачнутся весы
С двумя гирями — жизни и смерти.
Жду, когда среди серых камней
Моё сердце стучать перестанет.
Гиря смерти, увы, тяжелей,
Гирю жизни она перетянет.
Я лежу, а решётка окна
Режет небо моё на кусочки.
Я лежу...

И молчит тишина
Моей узкой сырой одиночки.

Эти воспоминания жгут память Н. Домовитова, известного пермского поэта. Не понаслышке знал он о сталинских репрессиях, не по книгам был знаком с лагерными нарами и тюремной баландой.

"В Бакинский госпиталь меня привезли с Ленинградского фронта тяжелораненым, — вспоминал Домовитов. — В Баку и арестовали как «врага народа за контрреволюционную пропаганду». Это я вслух удивился сводкам Совинформбюро: немецкие потери у него неизменно значительные, о наших молчат, а города сдаём... Вот и переехал прямо на носилках из больничной палаты в тюремную камеру. Приговор — 10 лет лагеря и пять последующего поражения в правах".

Чёрствый хлеб жевал я всухомятку,
Говорили в лагере не так:
— Вот, счастливчик, получил десятку,
А могли бы врезать четвертак!

Отбывающие срок политические понимали, что сидят они ни за что. А тюремщики-то хоть понимали это?

Конечно, понимали наши тюремщики, что мы — невинные жертвы. И от этого отбывать несправедный приговор было ещё горше.

Стражник, выйдя из лагеря, в речке
Отмывает от крови сапог,
Курит, дым завивая в колечки...
...Жив палач: не казнил его Бог.
Он живёт. От людей обособясь,
Ходит к речке всё той же курить,
Моет руки, но душу и совесть
Палачу-старика не отмыть.
(Семён Милосердов).

(Звучит песня на стихи Е.Евтушенко в исполнении А.Малинина «Дай бог». На экране в этот момент появляются кадры из фильма об Анне Ахматовой (без звука). Можно использовать компьютерную презентацию со слайдами о сталинских репрессиях. На определённом моменте песня стихает и включается звук фильма; чтение отрывка из «Реквиема» в исполнении Аллы Демидовой.)

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье — Анна.

Кем была она, Анна Ахматова?

Другом, любовью, женой поэта Н.Гумилёва, который был удивительным человеком. Он мечтал исследовать африканские племена. Создать для них общий язык. Предчувствие ранней смерти не покидало поэта на протяжении ряда лет.

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще.

24 августа 1921 года поэт Гумилёв был расстрелян по постановлению Петроградской губчека, обвинённый в участии в контрреволюционном заговоре. Как стало известно, "обвинению послужили только никем не проверенные и не доказанные показания одного человека".

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье — Анна.

— Кто она, Анна Ахматова?

— Женщина, которой выпало написать о судьбах матерей в эпоху репрессий. Сын Ахматовой и Гумилёва стал учёным, а не поэтом. Но тюрем не избежал, его арестовывали трижды.

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги к палачу,
Ты сын и ужас мой.
Всё перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.

Как-то Анна Ахматова стояла в длинной очереди к тюремному окошку, чтобы передать сыну тёплые вещи и продукты. Какая-то женщина спросила её: "А это вы можете описать?". «Могу», — ответила Ахматова.

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье — Анна.

Так кем же была она, Анна Ахматова?

Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марушь.

Она была Поэтом, создавшим «Реквием» — трагическую исповедь, лирическое заклинание, горестный вопль сотен женщин: матерей, сестёр, жён, у которых отняли их сыновей, братьев, мужей.

Хочешь покоя? Убей свою совесть!
Сразу наступит покой:
Глянешь спокойно пустыни глазами
Из оболочки пустой.

Только — где мера тому, что ты прожил,
Чем ты сегодня живёшь?
Сердце живым оставаться не может,
Если ты память убьёшь.

(Елена Владимировна)

(Звучит песня А. Макаревича, исполняемая под гитару участниками композиции.)

Я хотел бы пройти сто дорог, а прошёл
пятьдесят.
Я хотел переплыть пять морей — переплыл
лишь одно.
Я хотел отыскать берег тот, где задумчивый сад,
А вода не пускала и только тянула на дно.
Я хотел посадить сто деревьев в пустынном
краю.
Я пришёл в этот край. Только ветер унёс семена.

И из сотни дверей так хотел отыскать я свою.
И как будто нашёл, а за ней оказалась стена.

Как хотел я постичь этот мир, но, увы, не постиг.
Но не зря это горькое счастье мне Богом дано:
Жить в стране недопетых стихов,
ненаписанных книг,
Чтоб из тысяч несказанных слов вам сказать
хоть одно.
(А.Макаревич)

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьёт, печален и суров.

В его больших листах я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанию моему.

О, я не даром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потёмок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой
потомок,
Доделал то, что я не довершил.
(Н.Заболоцкий)

(Под звуки песни Игоря Талькова «Россия» чтецы покидают сцену.)

Использованная литература:

1. Черткова Э. «Если зло поощрять, то оно на земле торжествует»: поэтический классный час / Э. Черткова // Литература. – 2007. – N 20. – С. 19-21.

Содержание:

1. От составителя ----- С. 1.
2. Советский Союз в 1937-1938 гг. ----- С. 2.
3. Система ГУЛАГа ----- С. 5.
4. Дети в сталинских лагерях ----- С. 7.
5. Бутовский расстрельный полигон ----- С. 12.
6. Трагические судьбы репрессированных (Персоналии) ----- С. 14.
7. Репрессии священнослужителей ----- С. 17.
8. «Большой террор» в Мурманской области ----- С. 19.
9. Спецпереселенцы на Мурмане ----- С. 23.
10. Исправительно-трудовые лагеря в Оленегорском районе -- С. 25
11. Лагерная проза ----- С. 30.
12. Страницы лагерной поэзии ----- С. 33.
13. «Большой террор» в Интернете ----- С. 38.
14. Приложение 1 (Фотографии) ----- С. 39.
15. Приложение 2 (Сценарий поэтического классного часа) ----- С. 44.